
И.Я. ФРИНСЕЛ
ГДЕ ТЫ, САЛЛИ?

И.Я. Фринсел

Где ты, Салли?

Издательство миссии Фриденсштимме

111402 Россия г. Москва А/Я 7
Миссия Голос Мира

Эта книга — подарок голландских христиан, она не подлежит продаже.

1996

Название оригинала: Fluiten naar Sallie Перевод с голландского: Елена Н. Фот Редакция: Arie Pellegrom Иллюстрации: Jaap Kramer

1. Война

Сразу он даже не понял, что происходит. Фрек был еще в полусне и подумал, что у соседей что-то упало. Стул или еще что.

Но грохот не прекращался, и он сообразил, что случилось что-то другое.

Его кровать дрожала.

Казалось, что этажом выше, у дяди Германа, вся мебель танцевала.

Вдруг раздался голос его отца:

— Быстрее вы! Вставайте! Слышите, стреляют! Война!

Тогда Фрек подскочил.

Он сразу полностью пришел в себя.

Война!

Просто так, среди ночи?

Он услышал, как отец побежал вниз по лестнице и стал громко разговаривать с людьми на улице. Их речь была очень возбужденной.

И неудивительно: войну никто из них еще не пережил.

Фрек уже слышал о ней страшные истории. Особенно в последнее время. Люди говорили, что то, что немцы сделали в Польше, — позор. Они туда ворвались просто так, без предупреждения. Неужели они теперь так же поступили с Голландией?

Гитлер был плохим человеком — это Фрек знал уже давно. Когда у них бывали гости, то об этом часто шла речь. Мама не любила, когда рассуждали о политике, но все равно разговоры всегда сводились к этому.

Там, в Германии, происходили такие странные вещи. Страной руководили национал-социалисты и делали это с грубым насилием.

Это нагоняло страх на многих голландцев.

Но были и такие, которые считали, что и в Голландии должно быть такое правительство. Главной такой партией была Национал-социалистическая партия с руководителем Антоном Муссерт. В Германии они видели для себя большой пример. “Отдел обороны” в НСП состоял из воинственно настроенных парней, которые любили маршировать по улице в своей черной форме и бесчинствовать.

Их враждебность в первую очередь была направлена против евреев.

На Фрека, когда он видел их на улице, они всегда производили ужасающее впечатление. Они выглядели такими грозными в своих черных костюмах.

Фрек уже слышал по радио речи Адольфа Гитлера, руководителя немецкого народа. “Фюрер” — называли его там.

Фрек не понял его, потому что тот говорил по-немецки. Но уже по крикливому тону этого человека было слышно, что у него мало добрых замыслов. Он все время говорил о евреях. Они были для него камнем преткновения. При этом он очень громко кричал, будто он сходил с ума.

По словам отца, так оно и было. Он называл его “кукольный ус”, потому что Гитлер носил очень маленькие усики. И на лбу у него всегда косо лежала прядь волос. Фрек уже не раз видел его на фотографии. В газете. Он почти всегда был в униформе, а на левой руке носил красную повязку со свастикой на белом знамени. А взгляд его из-под козырька военной фуражки был таким гнусным!

Да, взрослые частенько посмеивались над ним. Но все равно он вызывал страх.

И теперь в этом пришлось убедиться. Теперь началась война.

Кто бы мог такое подумать? Ведь Голландия — нейтральная страна! И это значило, что она никакую

партию не поддерживала. Так, по крайней мере, говорил отец. И учитель в школе тоже. Кто нейтрален, просто не принимает участия.

Но он слышал, как отец недавно сказал, что Гитлер ни с кем не считается. Доверять ему нельзя. Да, теперь это проявилось. Отец не ошибся.

Вдруг над домом так низко пролетел самолет, что Фрек от страха выпрыгнул из кровати.

— Не подходи к окну! — крикнула мама.

Она включила радио, и комната сразу наполнилась возбуждением. Звучал ли голос диктора сегодня иначе, чем обычно? Фреку так показалось. Все вдруг стало казаться другим. Вот так, во мгновение ока весь мир вдруг перестал быть прежним.

Нужно ли ему идти в школу? А отец был занят на обязательных работах в "Босплане"[1]. Разве ему не надо идти на работу?

По радио передавали разные волнующие сообщения, в том числе, что немецкие войска напали ночью на Голландию, не объявив заранее войну.

— Бедные ребята,— сказала мама.

Фрек сразу понял, что она имела в виду голландских солдат. О них он даже сразу не подумал. Но они теперь воевали, и кто знает, сколько из них останется в живых? Смогут ли они отбить немцев? В Польше тоже не смогли.

Фрек все же посмотрел через окно на небо. Было мало что видно, но время от времени там появлялись маленькие облачка дыма. Это были взорвавшиеся снаряды, которыми стреляли по самолетам. Он никогда раньше не видел такое, но сразу сам догадался. От взрывов дребезжали стекла и дрожал пол. Иногда очень сильно.

---

[1] Во время экономического кризиса 30-х годов правительство организовало специальные проекты, чтобы обеспечить безработных мужчин трудом и зарплатой. Одним таким проектом был "Босплан" — насаждение леса около Амстердама.

Позже Фрек понял, что тяжелые удары производили бомбы, которые сбрасывали самолеты. Немцы бомбили аэропорт столицы, чтобы обезвредить воздушные силы Голландии.

Фрек, быстро одевшись, вышел на улицу. Он подошел к толпе взрослых, которые возбужденно разговаривали друг с другом. И его даже не прогнали! Это было явным признаком того, что началась война. Иначе отец никогда не одобрил бы его присутствия. Он сразу сказал бы: “Иди играть”.

У Фрека появилось такое чувство, будто он вдруг стал относиться к взрослым. Но это его не обрадовало. Все рассказывали плохие новости. Немцы быстро продвигались вперед. Также передавали различные слухи о десантниках в голландских униформах, высадившихся в тылу.

Полиция занималась арестом нацистов. Их сажали в тюрьму, потому что они стояли на стороне немцев. На Афслэйтдейке[2] шло сражение, и было сбито много немецких самолетов.

Это звучало неплохо. Но Фрек увидел, что отец печально покачал головой.

— Мы тут сами себя немного ободряем,— сказал он.— Но мы им не ровня. Нам все равно придется проиграть.

— Но свою хижину мы продадим дорого! — возмутившись, сказал сосед. В его глазах стояли слезы, и он в отчаянии взглянул на отца.

— Очень дорого,— сказал отец серьезно,— Прольется много крови. На это рассчитывай.

Наступила тишина. Но Фрек почти точно знал, что все они ругали немцев.

— Лишь бы наши дрались до последнего,— взволнованно проговорил кто-то, чуть не плача.— Я лучше бы сам пошел под пули.

---

[2] “Афслэйтдейк” — дамба, разделяющая пролив Эйселмер от Северного моря.

Никто не возражал. Никто его не высмеял. Каждый знал, что он всегда был против армии и войны.

— Будут ли призывать добровольцев?

Отец пожал плечами.

— Кто знает. Но я думаю, что вначале призовут тех, кто уже служил.

Отец служил в гусарском полку. Фрек это знал. У них висела фотография с изображением отца верхом на лошади с саблей в руке и винтовкой через плечо. Очень натурально!

Но ему не хотелось думать о том, что отца могут призвать на войну!

Отец и еще несколько мужчин с их улицы, которые тоже работали на “Босплане”, пошли на работу. Другие считали их сумасшедшими, но им хорошо было говорить: они были безработными. Но если кто был занят на обязательных работах, как отец, то нельзя просто так прогуливать. Зарплату давали за выполненный труд, а она и так была не очень большой.

Но возможно рабочих частично побуждало и любопытство, потому что “Босплан” находился недалеко от аэропорта. Может, они там больше узнают о войне.

Ну да, это они действительно могли!

Когда они ближе к вечеру вернулись домой, то были рады, что остались в живых. Некоторые из них выглядели ужасно грязными, потому что они прятались в канавах и ползли по грязи, чтобы найти укрытие от пуль и осколков гранат, свистевших кругом.

Отец рассказал, что он почти что два часа пролежал под тяжелой тележкой с песком, о железо которой время от времени скрежетали пули.

Смертный страх еще виднелся в глазах людей. Над их головами свирепствовали воздушные бои, и они издали видели, как бомбы падали на летное поле.

Одно было ясно: о работе пока можно было забыть.

2. Ненависть к евреям

Фрек пошел к своему другу Салли, который жил через две улицы. Везде небольшими группами стояли люди и возбужденно разговаривали. События никого не оставили равнодушным.

У Салли ему не открыли. Соседка, хорошо знавшая Фрека, сказала, что никого нет дома.

Как только в семье Салли узнали, что началась война, они сразу же уехали. Ну да, еще рано утром. У них были родственники в Схевенинге, и они поехали к ним.

Это Фреку показалось странным. Он знал, что дядя и тетя Салли живут в Схевенинге. Но кто же отправляется в гости во время войны?

Но соседка пояснила, что они хотели попытаться бежать в Англию. Отец Салли как-то сказал, что если начнется война, он не будет дожидаться прихода немцев. Он тогда попробует увезти свою семью в безопасное место.

Это привело Фрека в замешательство.

Салли был его лучшим другом, и он, конечно, знал, что Салли еврей. Но для него это никогда не играло роли. Он не мог понять, почему немцы были к ним не равнодушны. Крикливые речи Гитлера о евреях вдруг приобрели для него значение. Значение, которое его очень испугало и возмутило. Какое зло сделал немцам Салли? Или его отец и мать? Его братья и сестры? Это были простые добрые люди. Голландцы, как и он. Почему они должны так бояться, что захотели бежать?

В тот же день бабушка Кломп спросила его, где Салли. Фрек принес для нее молоко из магазина. Это он делал часто. Она не была его родной бабушкой, но в их местности всех старых женщин обычно называли бабушками.

Бабушка Кломп была вдовой и с трудом ходила. Поэтому он выполнял для нее разные поручения.

Она знала, что Салли и он были почти неразлучными, а сегодня он пришел без своего дружка. Фрек рассказал ей,

что произошло. Он заметил, что у нее на глазах появились слезы.

— Вы понимаете? — закончил он свой рассказ.— Они ведь совсем ничего не сделали. Что Гитлер от них хочет?

Она посмотрела на него особым взглядом.

— Он ненавидит евреев.

— Но почему же? — спросил Фрек в отчаянии.

— Я думаю потому, что он их боится,— сказала она.

— Боится? Чего же?

Фрек уже подумал, что она шутит. Но нет, ее глаза были очень серьезными.

— Да, мальчик, боится,— повторила она,— но он сам даже этого не сознает.

Она поправила подушки в своем кресле.

— Как же это так? — изумленно спросил Фрек.

Немцы со своими самолетами, танками и пушками! Они боятся Салли и его родных? Не может быть! Представьте себе такое! Отец Салли не обидит и муху. Он скорее просто убежит, чем будет драться. Это был очень приветливый человек, с большим запасом юмора, торговавший на рынке фруктами. И чем он должен был сражаться? Картофелечисткой, что ли?

— Евреи — это народ Божий, мальчик,— сказала бабушка Кломп,— запомни это хорошо. Поэтому Гитлер все равно потерпит поражение, даже если он во многих битвах победит. Господь Бог говорит: “Кто делает зло Моему народу, тот касается зеницы Моего ока”.

Фрек почувствовал себя немного неловко. Такое чувство у него всегда появлялось, когда она говорила о Боге и Библии. И делала она это часто. Будто была из другого мира.

Дома у них не было Библии. Бабушка Кломп это знала, потому что как-то спрашивала его об этом. И знаете, это было очень странно, но когда она говорила о божественном, ему всегда становилось неуютно. Тогда он

радовался, что они были одни. Будто ему нужно было стыдиться. Конечно, это было вовсе не так, но получалось помимо его воли. А с другой стороны, то, что она рассказывала, его всегда очень привлекало. Очень глупо, конечно.

В общем-то он мог бы просто сказать “до свидания” и уйти, так как поручение он выполнил. Но он так не делал. Он оставался. И тогда тоже, когда она брала большую книгу со столика рядом с креслом и читала ему некоторые отрывки.

Ну и толстая это книга — Библия!

Но она всегда знала, где найти необходимое место. Будто она все знала наизусть.

Итак, в первый день войны, когда в небе еще свирепствовала зенитная артиллерия, она читала ему о египтянах, которые притесняли евреев и даже хотели их истребить, убивая маленьких мальчиков. Она прочитала ему и об Амане, который решил убить и ограбить всех евреев и потому придумал коварный закон. И в заключение она прочитала ему о царе Ироде, который повелел убить всех младенцев в Вифлееме, когда услышал, что родился Иисус Христос.

— Видишь,— сказала она,— Гитлер не первый ненавистник евреев. Последним он, к сожалению, тоже не будет. Но все люди, которые хотели сделать зло евреям, сами погибали. Кто ненавидит евреев, борется против Господа Бога и поэтому всегда терпит поражение.

— Но почему они тогда это делают?! — Фрек сам немного испугался своего голоса. Он задал этот вопрос прежде, чем успел подумать.

— Потому что они ненавидят Бога,— сказала бабушка Кломп.— Я сейчас постараюсь тебе это немного пояснить. Господь обещал, что пошлет Спасителя для нашего искупления от власти греха и дьявола. Спаситель должен был родиться на земле в еврейской семье. В Вифлееме. Это все написано в Библии. Поэтому сатана,

противник Бога, всегда и всячески стремился истребить евреев. А для этого ему нужны люди. Чтобы помешать Господу Богу исполнить Свое обещание. Понимаешь?

Фрек кивнул. Да, сейчас он немного понял.

— Но что только дьявол и люди не предпринимали, чтобы воспрепятствовать тому, наш Спаситель все равно родился. Господь Иисус Христос. Об этом мы вспоминаем, когда празднуем Рождество.

— Но теперь то они могли бы оставить евреев в покое,— заявил Фрек,— Почему они продолжают их преследовать?

Бабушка Кломп удивленно посмотрела на него.

— Это очень хороший вопрос, Фрек. На него нам Библия тоже дает ответ. Еврейский народ и в дальнейшем будет играть значительную роль в Божьем плане мировой истории. Поэтому дьявол продолжает их ненавидеть и все предпринимать для их истребления. Многие люди дают себя использовать для его цели.

— Как немцы,— зло сказал Фрек.— Я надеюсь, что наши победят.

Бабушка Кломп слегка улыбнулась, но потом печально сказала:

— На это нам нельзя рассчитывать, Фрек. Наша страна очень маленькая, и наша армия слабее противника. И также мы не должны думать, что все немцы такие плохие.

— Тогда пусть они не идут воевать,— решил Фрек.

— Это не так просто,— сказала бабушка Кломп,— но запомни, что немцы такие же, как и голландцы: есть хорошие и плохие.

— Но большинство тогда, конечно, плохие,— возразил Фрек,— потому что они во главе. Большинство голосов решает.

— К сожалению,— вздохнула бабушка Кломп,— но все равно ты должен хорошенько запомнить, что есть в

Германии люди, которые о Гитлере даже и слышать не хотят и страдают от того, что он делает.

— Ну я пойду,— сказал Фрек,— если Вам что будет нужно, то позовите меня.

— Будь осторожен и не выходи из дома во время воздушной тревоги,— озабоченно проговорила бабушка Кломп.

Это он послушно обещал.

У него было много пищи для размышления. Все, что эта старая женщина рассказала ему о евреях, было для него ново. И очень непривычно. Дома об этом никогда не говорили. Когда по радио что-нибудь передавали о Библии, отец сразу же его выключал. Об этом он и слышать не хотел.

У Фрека вдруг появилась диковинная мысль: может отец тоже этого боится? Как Гитлер евреев?

Ну, выдумал еще! Так нельзя! Его отец абсолютно ничего не имел против евреев. Против немцев, да! Он еще никогда не слышал, чтобы отец говорил о добрых немцах. Но бабушка Кломп права, естественно, были и такие. Но об отце он не должен так глупо думать!

Его отец или Гитлер — большая разница!

3. Оккупация Германией

Они играли в футбол. Германия против Голландии, без этого сейчас не обходилось. Играли прямо через дорогу, в то время такое было возможно, в общем-то, конечно, это было запрещено.

Но движения на той улице, где жил Фрек, почти что не было. К тому же сейчас, во время войны, у полиции были дела поважнее, чем запрещать мальчишкам играть на дороге.

Воротами служили камни, которые положили около тротуара, а играли они теннисным мячиком. Война или нет, Фреку и другим ребятам его улицы нужно куда-то

девать энергию. Игра была напряженной, и, к счастью, Голландия победила.

Но это, увы, не соответствовало последним сообщениям. Хотя голландские солдаты сражались в разных местах очень мужественно, им приходилось отступать перед гораздо лучше вооруженными немцами, которые, кроме того, были лучше подготовлены к войне.

Корнвердерзанд и Греббелини стали символами героического мужества, а так же незабываемым стал мост около Мурдейка, где солдаты морской пехоты дрались, как львы.

На нефтяном порту к северу от Амстердама подожгли резервуары с запасами горючего. Огромные черные облака поднимались в том месте и ползли над столицей.

Это была страшная картина. Каждый понимал, что это — плохой признак. Немцы приближались! Драгоценные запасы нефти никто не хотел оставить им.

Тринадцатого мая враги прорвались в Греббелине, и голландская армия беспорядочно отступала. Четырнадцатого мая бомбили Роттердам, и страшное разрушение города положило конец войне. Голландия капитулировала. Фрек видел, как взрослые люди плачут от гнева и скорби. Некоторые ругались и проклинали немцев.

— Нас ждет трудное время,— сказала бабушка Кломп.

Вдруг Салли опять появился в Амстердаме. Им не посчастливилось там, в Схевенинге. Кораблей, переполненных беженцами, уплыло много, но для большинства из них места не оказалось. Для его дяди и тети тоже.

— Англичане придут и прогонят всех немцем обратно в хеймат,— попробовал утешить своего друга Фрек.

Но Салли только посмотрел на него печальным взглядом своих красивых, темных глаз, который Фрек никогда больше не забудет.

Германия побеждала на всех фронтах. Армии Адольфа Гитлера казались непобедимыми. По радио они постоянно хвастались своими победами. В своих веселых маршах они высмеивали врагов.

Они поедут в Англию. Еще немного, и вся Европа окажется под их башмаком. Гитлер уже говорил о “тысячелетнем царстве”.

Неужели больше совсем нет надежды?

В начале оккупация казалась не такой уж плохой. Обычные солдаты вели себя порядочно. Многие ребята охотно выполняли для них различные поручения. Недалеко от дома Фрека немцы потребовали отдать школу, и там теперь жила большая группа немецких солдат.

А как они умели петь! Когда они маршировали по улице, то всегда запевали песню. В два голоса, Фреку это очень нравилось. Но ходить за покупками для немецких солдат он предоставлял другим. Как бы прилично они себя не вели, эти немцы, он по внешнему виду не мог определить, кто из них хороший, а кто плохой.

Он постоянно видел перед собой только печальное лицо своего друга Салли.

Прошло не так уж много времени, и уже появились распоряжения, которые показали истинное лицо захватчиков. В первую очередь это почувствовали евреи. Очень хитро и в начале очень осторожно было проведено разделение между евреями и неевреями. С пятнадцати лет и старше каждый получил удостоверение личности. У всех евреев они были помечены большой буквой “Е”. И на этом не остановились! Евреи должны были носить на своей одежде большую желтую звезду с надписью “Еврей”. Даже дети, начиная уже с шести лет!

За этим последовало еще больше несправедливых и злых мер. Евреям больше нельзя было появляться в общественных местах. Ни в парках, ни в кинотеатрах, ни в ресторанах. И не в бассейнах и саунах. Им больше нельзя было работать на предприятиях, которые принадлежали не-

евреям. Если у кого-то из них самих была фирма, то они не имели права брать на работу не-еврея.

И так продолжалось.

Немецкие оккупанты оскорбляли их и унижали. Их, по-возможности , совсем вытесняли из общества. Многие еврейские семьи сгонялись для проживания в определенные районы города, которые назывались еврейскими гетто. Действия немцев становились все ожесточеннее. Нарушения правил строго наказывались. За малейшую мелочь могли приговорить к смерти.

То, что бабушка Кломп рассказала ему в первый день войны, принимало для Фрека чем дальше, тем большее значение. Гитлер и евреи — в этом для него состояла война.

Салли забрали из школы. Фрек долго не мог прийти в себя из-за этого. Естественно, его дружба с Салли не стала меньше, но о прежних совместных забавах больше не могло быть и речи.

— Ты будешь играть с Салли, как и раньше. Фрицы еще много что мне скажут,— сказал отец и сжал кулаки.

Но это был беспомощный гнев. Больше он ничего не мог сделать. Ругаться и сердиться.

Но Салли овладела невыразимая печаль.

А англичане все еще не пришли.

4. Преследование и сопротивление

Потом начались облавы.

Евреев на улице сгоняли вместе и увозили на грузовиках.

“На работу”,— говорили немцы.

Но когда потом начали забирать и увозить женщин и детей, каждый понял, что это не на работу. Какую работу могли выполнять младенцы? Или это делалось из сочувствия, чтобы семьи оставались вместе?

Этому никто не верил. Люди уже хорошо знали, что немцы совсем не собирались проявлять к евреям дружелюбие. И чем дальше, тем хуже.

— Евреев обвиняют во всем и везде,— сказал отец,— Фрицы обращаются с ними, как с отбросами. А мы против этого бессильны. Как посмотришь, что они делают с этими людьми! Это просто стыд и срам!

Когда он потом рассказал, что сам видел издали в еврейском квартале, сердце Фрека сжалось. Его пронзила такая боль, что ему захотелось громко кричать.

Он, собственно, не хотел думать об этом, но в подсознании постоянно трепетала мысль: что будет с Салли?

Дома у Салли все так изменилось.

Сколько радости у них было раньше. Не только еврейский юмор, но больше всего его всегда привлекала теплая атмосфера в этой семье.

— Салли — вылитый отец,— как-то сказал отец Фреку,— веселый парнишка.

Да, но это было прежде. И от этого мало что осталось. Случаи, когда ему удавалось рассмешить Салли, можно было сосчитать... Порой Фрек из-за этого не мог уснуть.

Однажды, а точнее 25 февраля 1941, — и ни один переживший это амстердамец когда-либо его забудет — к ним вбежал взволнованный дядя Фрека.

— Все, мы бастуем! — тяжело дыша, сказал он.— Больше мы терпеть не будем! Мы фрицам покажем!

— Что мы им покажем? — спросил отец, пододвигая своему брату стул, чтобы тот сел.

— Нет, я садиться не буду, я сразу пойду дальше. Мы будем бастовать!

— Немцы вас убьют! — с испугом воскликнул отец.

— За одну забастовку они весь Амстердам не перестреляют,— ответил дядя Виллем. Но трезвое замечание отца немного остудило его.

— Я не знаю, на что они способны, они ни перед чем не останавливаются,— сказал отец.

— В любом случае, трамваи уже не ходят...— сказал дядя Виллем.— В северном районе на всех предприятиях призывают к стачке. Городские мусорщики, вероятно, тоже будут участвовать. Смотри, у меня с собой листовки для распространения.

— Будь осторожен,— предупредила мама,— Мне кажется, что мы уже достаточно видели, чтобы знать, на что фрицы способны. Разве ты думаешь, что они просто так с этим смирятся? Забастовка во время войны?! Как такое могло прийти вам в голову!

— А что, допускать, чтобы они просто так уволакивали людей?

— возбужденно спросил дядя Виллем,— Ты бы видел, как они выволакивают несчастных из домов!.. Разве их еще недостаточно истязали? И что собираются фрицы дальше с ними делать?

— Я думаю так же, как и ты,— успокаивающе проговорил отец.— Но может, я немного трусливее.

— Или разумнее,— сказала мама.

— Может, это иногда одно и то же,— вздохнул отец.— Сердце подсказывает, что так нельзя и что нужно что-то предпринимать в ответ. Что нельзя просто так оставлять своих ближних на произвол судьбы... Но когда посмотришь на то, что ты можешь сделать против этого, то ведь это — ничего.

— Ну да! — вскипел дядя Виллем.— Протестовать — это мы можем!

— И ты думаешь, что они испугаются?

— Может и нет, но тогда мы, по крайней мере, что-то сделали!

— в отчаянии воскликнул дядя Виллем.

— Будут убитые,— предупредила мама.

Тогда все замолчали...

— Я так же боюсь, как и вы,— вдруг сказал дядя Виллем растерянно,— Но если мы ничего не станем предпринимать, то я больше не могу посмотреть в зеркало. Мне стыдно за самого себя. Хоть я и боюсь, но показать я это не хочу... А теперь я пойду дальше.

— Лишь бы это хорошо закончилось,— вздохнула мама, когда он ушел.

— Это никогда хорошо не кончится,— сказал отец,— но я им восхищаюсь. Я не думаю, что они чего-то добьются от немцев, но бывают моменты, когда просто иначе нельзя. Если ничего не делаешь, то чувствуешь себя предателем по отношению к ближним.

— А только что ты пытался удержать его от участия,— удивилась мама.

— Да ты что? — ответил отец,— Ведь он мой брат. Я не хотел бы, чтобы с ним что-то случилось.

Отцу надо было сходить в центр города, и он взял с собою Фрека. Мама не хотела, чтобы они вышли на улицу, когда везде в городе бастуют. Не успеешь оглянуться и сам уже попал в заваруху, а если начнут стрелять... Никогда не знаешь заранее, что может случиться.

Но дело было безотлагательным, и отец обещал ей быть осторожным, нигде не вмешиваться и как можно скорее вернуться домой. Фрек считал прогулку интересной, но и немного жуткой.

Люди на улице были возбужденными. Было заметно, что что-то назревало.

С молниеносной быстротой весть распространилась по городу.

— Ну, забродило,— пробурчал отец,— напряженность такая, что хоть ножом режь.

Они шли по улице, на которой находились трамвайные пути. На островке безопасности стояла группа кондукторов, взволнованно разговаривавших друг с другом. Были здесь и обычные люди.

И вдруг из-за угла показался трамвай. Со скрежетом на повороте он завернул на улицу. Тут поднялся большой шум.

— Почему он едет? — спросил Фрек,— они ведь бастуют?

— Этот нет, ты же видишь,— сказал отец.— Может он один из тех, кто не осмелился участвовать. Или нацист, тоже возможно.

Мужчины перешли с островка безопасности на рельсы и заставили трамвай остановиться. Потом они взобрались на вагон и принудили водителя выйти из кабины. Он не сопротивлялся, так как против такого превосходства сил все равно ничего не мог сделать.

А потом... Фрек не мог поверить своим глазам. Потом они встали в ряд вдоль трамвая и начали под громкие крики раскачивать его, пока он не опрокинулся набок и с большим грохотом перевернулся.

Прибежали полицейские. Забастовщики не обращали на них внимания.

— Бежим! — приказал отец. Он хотел быстро уйти отсюда прежде, чем начнется расправа.

Но вот уже по улице мчались вооруженные военные на двух мотоциклах с коляской. Это были люди из пресловутой немецкой полиции. Во мгновение ока улица опустела. Куда люди так быстро делись, для Фрека осталось загадкой. Видимо, жители соседних домов, рассчитывая на разгон, оставили двери приоткрытыми.

Но нескольким мужчинам меньше повезло. Они пытались спастись бегством и этим только привлекли внимание немцев, которые быстро догнали их на своих мотоциклах.

Раздались громкие вопли. Фрек увидел, как троих мужчин схватили и швырнули на мостовую. Когда они захотели вскочить, их стали топтать ногами и бить прикладами.

— Еврей! — услышал он крики немцев.

Арестантам приказали лежать на животе, и к своему ужасу Фрек увидел, как один фашист поставил свой тяжелый сапог на затылок одной жертвы. От объявшего его страха Фреку стало дурно. На дороге он увидел кровь. Он дрожал, хотел кричать. Сказать, что это подло, что не надо так, нельзя так...

— Пошли,— сказал отец хриплым голосом и потянул его за собой.

Теперь солдаты повернулись к ним.

— Мах шнелл, лос![3] — закричали они и угрожающе замахали винтовками. Это значило, что им нужно было убираться.

Фрек бежал за отцом, как во сне. Без слов от ужаса.

Внутри у него все рыдало. Он чувствовал себя таким беспомощным. И он знал, что отец чувствовал то же самое. И дядя Виллем. И трамвайные рабочие. Собственно, каждый.

5. Подполье

Салли становился все молчаливее. Какими необузданно веселыми их игры были прежде, такими сдержанными они стали теперь. Раньше они, бывало, уходили далеко, гуляя по Амстердаму, и часто часами играли в парке им. Вондела. Тогда они не знали забот в отношении безопасности Салли. Сейчас же они не удалялись от дома и обычно сидели в комнате. Дома у Салли появилось что-то непривычное. Чувствовалась такая атмосфера, будто они чего-то ждали. Фрек заметил, что они всего пугались. Когда звонили или стучали в дверь, то все замирали и казалось, что каждый переставал дышать.

Тогда он чувствовал, как в нем поднимается беспомощный гнев. Чем провинились эти люди, что им приходилось так жить? Улыбки исчезли. Ими овладел

[3] — Давай! Быстрее!

страх. Они знали, что их ожидает. И что станет действительностью то, чего они так боялись.

Мучительная неизвестность лишила их всякой радости. Когда в их квартире застучат тяжелые сапоги и раздадутся грубые команды безжалостных солдат, которые уведут их неизвестно куда? С родственниками и знакомыми это уже произошло. Они знали эти истории, и у них самих наготове стояли чемоданы. Фрек старался не смотреть в ту сторону, когда он был у Салли. Они нагоняли на него такую тоску.

— Я хочу тебе что-то подарить, Фрек,— сказал однажды Салли.

Он протянул ему свисток. Это был очень хороший свисток с красивым шнурком, чтобы носить его на шее. Эта вещь производила такой звук, который был слышен через несколько улиц. Мальчишкам это всегда сильно нравилось, но мама Салли сказала, что этот свист пронизывает ее до костей, и Салли было строго запрещено свистеть в доме. Ну да, это он больше и не делал. Но все же, это был такой свисток! Фантастика!

Они сами придумали с ним игру. Когда они находились в парке, один уходил прятаться как можно дальше и время от времени дул в свисток, а другой должен был найти его по звуку. Особенно зимой, когда рано наступали сумерки, игра была очень увлекательной.

Этот свисток был гордостью Салли, и все ребята в школе завидовали ему. О таком свистке приходилось только мечтать. А теперь Салли решил просто так отдать его? Фрек и слышать не хотел об этом.

— Мне он все равно больше не нужен,— настаивал Салли.

— А после войны будет,— сказал Фрек.

— Тогда сохрани его для меня,— сказал Салли.

Но Фрек не взял свисток. У него было такое чувство, будто он этим навлечет на них беду. Будто это уже значило

проститься с Салли, а он и думать не хотел, что придется потерять друга.

Однажды вечером Фрек сходил в магазин для бабушки Кломп и был на пути к ней, когда его вдруг остановил большой мальчишка и потащил в подъезд.

Он сильно испугался и хотел вырваться, но мальчишка объяснил, что не сделает ему ничего плохого. Теперь Фрек узнал его. Он жил через несколько домов от Салли. Его родители находились в НСП, а сам он был членом молодежной организации нацистов “Юные штурмовики”. Что этот предатель мог хотеть от него?

Шепотом, запинаясь и заикаясь, мальчишка рассказал, как он дома услышал, что хотят забрать Салли и его родных. Они должны были явиться по повестке, но не пришли.

Огромными от ужаса глазами Фрек уставился на него.

— Почему? — выдохнул он.

— Тебе еще не ясно? — шикнул мальчишка нервно.

— Когда же? — всхлипнул Фрек.

— Не знаю,— сказал мальчишка.

— Что же мне делать? — беспомощно спросил Фрек.

— А я что, знаю? — ответил мальчишка подавленным голосом.— Салли ведь твой друг!

Он выскользнул из подъезда и исчез.

Совершенно вне себя от услышанного, Фрек рассказал бабушке Кломп, что с ним произошло по дороге. В конце своего рассказа он разрыдался. Она не мешала ему.

Когда он немного успокоился, она сказала:

— Мы сначала помолимся, а потом посмотрим, что можно сделать... И еще, тебе придется мне помочь... Но, Фрек,— она очень серьезно посмотрела на него,— тебе ни с кем нельзя об этом говорить... Ты мне обещаешь? Даже с мамой и папой. Это может быть очень опасно. Чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

Потом она сложила руки, закрыла глаза и начала просто так разговаривать с Богом. Фрек никогда раньше не видел такое. Он знал, что есть люди, которые молятся, но он еще ни от кого не слышал молитвы. Бабушка Кломп рассказала все, что случилось, Богу и просила о защите для родных Салли и о помощи и мужестве для себя самой и для него, Фрека, чтобы сделать то, что нужно...

Но он действительно не знал, что он мог бы сделать. А она едва ходила. Против немцев ведь все бессильны!

Но он не мог отвести глаза от старой женщины, которая так спокойно сидела перед ним и разговаривала с Богом. Она излучала такой мир. Это было что-то неописуемо красивое. "Она Его, видимо, очень любит",— подумал Фрек.

— Слушай, мой мальчик,— сказала бабушка Кломп после слова "Аминь".— Теперь я очень хотела бы, чтобы ты пошел к дяде Герману, к вашему соседу наверху. И потом ты попросишь его сразу прийти ко мне... Ты это сделаешь?.. Но никто ничего не должен заметить. Еще раз: чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

— Хорошо,— сказал Фрек, но он мало что понял.

Дядя Герман! Неужели она не нашла лучшего? Что же можно с ним предпринять? Будто он сможет помешать немцам, когда они придут забирать Салли и его родных. Лучше бы она попросила его позвать отца... Или дядю Виллема! Он, по крайней мере, отважился бастовать. Хотя это и не помогло.

Дядю Германа он считал странным человеком. Он всегда так необычно шипел сквозь зубы, когда улыбался. И делал он это довольно часто. Раньше он плавал на море. Но он был и помощником мясника. И фокусником на ярмарке. Об этом он сам рассказывал.

Они иногда приходили к ним в гости, он и его жена. И тогда Фрек слышал все эти истории. Но он не знал точно, можно ли всему верить.

— Герман умеет врать, что и сам верит этому,— сказал как-то отец. Он имел в виду, что дядя Герман хорошо умел фантазировать.

Теперь он уже долгое время работал на складе макулатуры. Фрек как-то проходил там мимо, когда двери были открыты.

Ну хорошо, если этот чудак понадобился бабушке Кломп... Он пойдет просить его прийти к ней...

Незамеченный никем Фрек сумел дойти до квартиры дяди Германа. Тот удивился, когда открыл на его стук дверь и увидел соседского мальчика.

— Как это ты так бесшумно прошел наверх? Обычно, когда ты несешься по лестнице, картины на стенах дрожат.

— Бабушка Кломп просит Вас прийти к ней сейчас же,— прошептал Фрек.

— Бабушка Кломп? — дядя Герман озадаченно взглянул на него,— Что ей от меня нужно? Забрать старые газеты? Ты знаешь, что она хочет?

— Нет,— ответил Фрек.

И это была правда, потому что он не мог представить себе, зачем ей был нужен этот странный человек. Вот он уже снова так нелепо улыбается. Будто он немного глуповатый.

— Ну хорошо, друга она не ищет, думаю... Я пойду сейчас, узнаю... Спасибо за услугу.

На следующий день Фрек к своему ужасу никого не встретил в доме Салли. Им овладели мучительные мысли. Неужели их уже забрали немцы? Спросить об этом у кого-нибудь он не решался.

Занавески еще висели на окнах, и квартира выглядела жилой. Но не было видно ни одной души.

В этот же день он встретился с мальчишкой из “Юных штурмовиков”. Но тот прошел мимо, будто не узнал его. Фрек тогда сделал то же самое. Так было безопасней.

— Никаких вопросов, Фрек,— сказала бабушка Кломп, когда он пришел к ней за поручением. Но он думал о Салли и вдруг заплакал.

Она взяла его руку и тихо сказала:

— Давай помолимся о них.

И она стала молиться.

Тогда он сразу понял, что их увезли не немцы.

6. Костюм из древесной стружки

Вследствие войны везде стал чувствоваться недостаток. Продукты продавались по талонам. Люди получали определенную порцию хлеба, мяса и масла на человека. Собственно, это касалось всего: столько этого и столько того. Но и “столько” было уже недостаточно и, кроме того, продолжало уменьшаться. Германии все было нужно для войны, и она опустошала оккупированные территории.

Весь мир был втянут в войну.

Фрек к этому времени закончил начальную школу и учился на плотника в профшколе. Там мальчики получали профессиональное обучение, длившееся два года.

Скудость делала людей изобретательными. Для многих продуктов изготовлялись заменители. Это называлось суррогатом. Чай-суррогат, кофе-суррогат, соус-суррогат и так далее. Также находили выход из положения с текстильными изделиями, потому что обычную ткань достать было трудно.

Отцу был нужен новый костюм, потому что единственный, который он еще имел, представлял собой набор заплат и носить его действительно было уже невозможно. Самая большая проблема заключалась не в деньгах, но для приобретения такой вещи требовалось немалое количество текстильных талонов. И многое еще было нужно. Но, наконец, посчастливилось все подсобрать и найти магазин, где еще что-то было в запасе.

Ах, что говорить о запасах. Выбора у людей почти что не было. С другой стороны, они уже отучились быть разборчивыми, и отец не создавал сложностей.

Костюм, который ему удалось купить, был даже вполне приличный. Темно-коричневый. И шел он ему отлично. Никто сразу даже не замечал, что он был изготовлен из тонкой древесной стружки.

Естественно, по этому поводу было много обычных шуток.

— Тебе не надо ехать в Англию таким образом, как фрицам,— ехидничал дядя Виллем, который постоянно над всеми подшучивал,— Бросайся в своей одежде в море, и тебя само по себе унесет к ее берегам. Конечно, если ветер будет попутный, иначе ты уплывешь в другую сторону. Да смотри, чтобы не завелся червь.

Представь себе такое. Тогда тебе придется обратиться к плотнику. Тоже преимущество, конечно. Если штаны на сидячем месте протрутся, то можно прибить дощечку. Это ты и сам сделаешь.

— Дощечку на твой большой рот,— сказал отец,— в данный момент это будет лучше. Жаль, что у нас нет теперь таких больших досок.

— Ну, в этом бревне ты в любом случае не утонешь,— продолжал дразнить дядя Виллем.— Берегись только огня: эта вещь легко воспламеняется. А еще дерево может искривиться, тогда и ты возможно будешь ходить криво.

— Для этого тебе дерева не нужно,— козырнул отец,— ты и так уже ходишь криво.

Прошло не так много временя со дня покупки костюма, когда мама разбила чашку. Казалось, что это не имело ничего общего друг с другом, но разбитая чашка стала началом небольшой катастрофы.

Мама ничего не выбрасывала. Тем более, что чашка не разбилась вдребезги, но раскололась ровно на две части. И грани половинок были очень гладкими. Если их

аккуратно составить, то даже не было видно, что чашка разбитая. Но пользоваться ею так, естественно, было невозможно.

Итак, мама решила, что чашку можно склеить. Хорошее дело для отца.

Фрек нашел тюбик с клеем. Его было еще достаточно. Только колпачок прочно присох к тюбику.

— Если чашка склеится так крепко, как держится этот колпачок, то она нам еще сто лет послужит,— пошутил отец. Он напрягал все свои силы, чтобы открутить колпачок от тюбика.

— Так долго я не собираюсь ею пользоваться,— сказала мама,— но, пожалуйста, не забудь про новый костюм.

Не успела она сказать последнее слово, как тюбик треснул пополам! Широкая струя клея брызнула на левый отворот красивого отцовского костюма.

— Мой выходной костюм! — закричал он и швырнул тюбик в угол комнаты.

— Я так и знала! — воскликнула мама.— И я тебя еще предупредила. Ты сжал его слишком сильно.

— Сама могла бы сделать,— шумел отец.— Колпачок ведь буд-24

то прирос! Каждый всегда знает, как надо, а делать приходится мне. А теперь что? Как я избавлюсь от этой грязи?

— Возьми ацетон,— сказал Фрек,— это единственное, что у нас есть в доме. Поискать?

— Быстрее только, чтобы клей не присох,— сказала мама.— А я поищу старую тряпку.

Так началась история с злополучным пятном.

Отец снял пиджак и положил его на стол, а мама взялась за чистку со старым платком и ацетоном. Клей ей удалось смыть, но, к сожалению, и краску ткани тоже! Ацетон растворил красящее вещество, и на отвороте

появилось отвратительное светлое пятно, величиной с довоенную монету.

Отец сидел с подавленным видом, мама готова была заплакать, а Фрек просто молчал.

И как часто бывает, в таких случаях приходят люди, которых охотнее всего бы выпроводить из дома как можно скорее.

Нагрянул к ним дядя Виллем, чтобы обсудить последние новости войны. Он увидел пиджак на столе и сразу все понял, хотя и не знал, что произошло. Результат говорил сам за себя.

— Несчастный случай?

— С чего ты взял? — огрызнулся отец.— У нас праздник.

— В день рождения принца Бернарда[4] ты можешь замаскировать это место гвоздикой,— рассмеялся дядя Виллем.— Но тогда остаются еще триста шестьдесят четыре дня.

— Прекрати свои глупые шутки, мне не до них!

Отец сердился.

— Ах,— сказал дядя Виллем,— что будет, если мы перестанем искать во всем причину посмеяться?

Он вдруг стал серьезным.

— Как нам иначе не пасть духом? Я, конечно, сожалею о такой для тебя неприятности. Или ты думал, что я тебе этого желал?

— Похоже на это,— буркнул отец.

— Внешность обманчива,— сказал дядя Виллем. Он рассмотрел пятно ближе.

— Ты подумаешь, что я опять шучу, но дать тебе совет? Мне кажется: немного крема для обуви и дело можно исправить.

— Крем для обуви? Ты что, с ума сошел?! — взорвался отец.

---

[4] Принц Бернард — муж тогдашней королевы Юлианы. Он всегда носит на отвороте пиджака гвоздику.

— Нет, серьезно. Ты же можешь на всякий случай попробовать? Ну что за вид с этим пятном... Или ты хочешь, как помеченный, ходить по городу? Я тут сидел и смотрел на твои ботинки. Их лучшее время тоже уже прошло, но цвет неплохо совпадает с твоим костюмом. Смотри сам!

Отец сначала посмотрел на свои ботинки, потом на дядю Виллема, чтобы удостовериться, что тот не дурачит его, как обычно.

— Ну что ты сидишь и косишься на меня? — добродушно спросил дядя Виллем. Он взял пиджак и еще раз взглянул на пятно. Потом он поднес пиджак к ботинкам отца.

— Жалко вещь. Но тебе терять нечего. Или ты знаешь лучший выход из положения? Тогда скажи. Но в таком виде ты похож на огородное чучело. У вас есть еще такой крем?

Фрек взглянул на отца.

— Достань,— сказал тот, вздохнув.

— Ты сам это сделаешь или мне взяться? — спросил дядя Виллем.

— Дай-ка лучше мне,— сказала мама.— Но прежде, чем я возьмусь за костюм, испытаю это на тряпочке.

Ну что ж, настоящим успехом результат назвать было нельзя.

Но после обработки кремом светлое пятно превратилось в темно-коричневое, которое, во всяком случае, меньше бросалось в глаза.

— Если ты будешь ходить быстро, то никто и не заметит,— сказал довольный дядя Виллем.— Это как с картиной, которую тоже лучше рассматривать издалека.

— Как я по-твоему должен это делать? — ворчал отец,— Это пятно у меня прямо под носом. Вонь от крема не даст мне забыть о нем.

7. Вкусная каша

Людям приходилось бороться с различными проблемами, которые им раньше и не снились. Кому когда-либо в голову приходила мысль о костюме из древесной стружки? Или о бумажных занавесках? Да, теперь придумывали все возможное, чтобы сделать из заменяющих материалов те вещи, для изготовления которых не стало основного сырья.

Велосипедные покрышки уже нельзя было купить. Для их производства не стало резины. Поэтому люди мастерили на обода всякую всячину, чтобы только ездить. Использовались массивные шины. А также колеса с обручем из старых теннисных мячиков. На таком велосипеде удовольствия не испытывали, но ездить — ездили. Если уже совсем нельзя было иначе, то ездили на “голых” ободах.

Так как бензин и дизтопливо почти что полностью использовались для военных целей, то для езды на обычных машинах приходилось придумывать что-то другое. На грузовиках устанавливали газовые генераторы, в которых сжигали деревянные кубики. В результате сгорания образовывался газ, обеспечивавший работу мотора.

На крыше тех немногих легковых автомобилей, которые еще были на ходу, часто можно было видеть своеобразный плоский баллон. Этот баллон постоянно надо было заправлять газом. Ездили такие машины хорошо, но было это не так практично, как с нормальным топливом.

Водители не могли уже преодолевать большие расстояния без остановок. Им часто приходилось подкладывать дрова в генератор или заправлять баллон газом.

Требовалось много смекалки и находчивости.

Но вернемся к бумажным занавескам. Недалеко от дома Фрека с недавнего времени жили муж с женой,

которые несколько отличались от других людей. Это была вполне приличная пара, но очевидно было то, что не они, как выразился отец, выдумали пороха.

Как эта история стала достоянием улицы, видимо, навсегда останется загадкой. Но, наверное, все началось с того, что Нельте в один прекрасный день пришла в голову мысль: сделать в доме уборку.

Ее взгляд упал на занавески, которые когда-то были белыми, а теперь стали по краям грязно-серыми и покрылись пятнами.

Она поставила на печку кастрюльку с водой и бросила туда занавески для кипячения, решив при этом, что может теперь спокойно пойти в магазин. Во время войны это могло означать, что тут и там приходилось стоять в очереди, на что уходило немало времени. Но времени у Нельте было достаточно, и вскоре она забыла про занавески на печке.

Когда Барент пришел домой, его жена все еще где-то стояла в очереди. К счастью, он пришел как раз вовремя: вода в кастрюльке уже почти что выкипела. Крышка весело подпрыгивала, и густая каша бурлила так, что любо было смотреть.

В то время никого не нужно было спрашивать, хочется ли ему есть или нет, потому что досыта редко кто наедался. И у Барента сразу поднялось настроение, когда он увидел, что Нельте, очевидно, сумела достать манную крупу или что-то подобное. Он принес ложку из кухни, чтобы помешать в кастрюльке. Он позаботится о том, чтобы варево не пригорело. Он очень любил кашу.

Только жаль, что Нельте так долго не возвращалась домой. И, ах, она ведь не рассердится, если он отведает маленько. Барент в конце концов не устоял перед таким большим искушением. Давай он пока что возьмет одну тарелку. Но когда Барент брал себе сам, то это всегда была полная тарелка. Еще бы! Да и с горкой. Насколько это было возможно для каши, конечно. Но, к счастью, она была довольно-таки густая. Ложку сахара поверх и — можно есть.

Жаль только, что Нельте все еще не было.

Чудо, что за каша. Такую он еще никогда не пробовал! Она напоминала... напоминала... Да, что же? Все, что только съедобно для голодного человека.

Взять еще тарелочку? Нельте так долго не идет... Ну ладно, он возьмет только еще одну...

Барента уже нельзя было остановить. Горячая каша доставляла ему такое удовольствие.

Когда Нельте пришла домой, кастрюлька была уже почти что пустая. Осталось немного на донышке.

Ну да, он ведь честно старался и ей еще что-то оставить. Хотя это было нелегко.

Но Нельте совсем ничего не захотела есть. К его удивлению, она только рассердилась. И прошло немало времени, пока Барент понял, из-за чего она так шумела. Она все твердила о занавесках и о том, что ей теперь повесить на окна. Да, жаль занавески. Сам-то он обойдется и без них, но Нельте их, видимо, очень любила.

Но и жалко выбрасывать оставшуюся кашу. Поэтому он ее тоже съел.

— Лучше ты, чем я,— сказала Нельте.

Барент решил, что это было очень благородно с ее стороны.

8. В школе

Фреку нравилось учиться на плотника, и он охотно ходил в школу. Когда он весь был поглощен занятиями, случалось, что он даже забывал о войне.

Требовалось огромное внимание, чтобы сделать хорошее гнездо под шип. Не говоря уже о соединении в ласточкин хвост! А учителя были строгие! Не надо думать, что они позволяли работать спустя рукава. Миллиметр неточности? Можно сразу переделывать.

— Ты хочешь исправить это мебельным клеем, что ли? Каким же ты станешь специалистом!? Если ты думаешь, что твой шеф будет потом доволен такой работой, то ошибаешься! Или ты хочешь работать на фабрике, где делают ящики под апельсины. Знаешь, из того занозистого дерева осины,— так учитель как-то выговаривал другого мальчика.

Нет, лучше уж сразу переделать свое изделие, чем надеяться, что учитель не заметит брак. Впрочем, это даже

глупо, потому что, если ты уже сам увидел неточность, то он, разумеется, во всяком случае не проглядит.

Фрек любил плотническое ремесло, и оказалось, что у него способность к такому делу. Его уже несколько раз хвалили за сделанную работу. А это случалось нечасто. На похвалу здесь очень скупились.

И все же еще больше, чем работа с молотком, стамеской, рубанком и пилой, ему нравилось занятие с карандашом и бумагой. Уроки черчения доставляли ему самое большое удовольствие.

Предметное черчение. Вначале их обучали простейшим вещам. Да, так учитель сказал. Но уже эти простейшие вещи оказались довольно-таки трудными! Они чертили буквы и цифры. И линии. Ты, конечно, думаешь, что это пустяк, но все же! Черчение жирных и тонких, пунктирных и штрих-пунктирных линий, штрихование плоскостей, все это нужно было усвоить достаточно хорошо. А потом уже начиналось настоящее черчение.

Некоторые ребята даже карандаш вначале не умели правильно держать в руках. Были и такие, которые умудрялись вдоль прямой линейки начертить кривую линию. К счастью, у Фрека таких проблем не было, но все равно ему пришлось много поупражняться, прежде чем он действительно приступил к черчению соединений из дерева и тому подобного.

Но когда он приобрел необходимые навыки, его план для будущего был готов. После профшколы он пойдет учиться на чертежника-архитектора. Дома он это уже объявил.

— Ладно,— сказал отец,— но сначала постарайся получить диплом плотника.

Бабушка Кломп прочитала ему из Библии, что муж Марии, приемный отец Иисуса Христа, тоже был плотником. И что Сам Иисус тоже занимался этим делом. Написано в Библии! В Евангелии от Марка, это он запомнил. Сын Божий на земле был плотником... “Тогда

это, наверное, очень хорошая специальность”,-подумал Фрек. Он много об этом размышлял. Ему было приятно осознавать это, но у него тут же появились различные вопросы. Например: неужели Иисус Христос никогда не пилил криво или не ударял Себя по пальцам, как он?

Он не знал точно, можно ли вообще так думать; может быть, это непочтительно? Он спросил об этом бабушку Кломп. Она, к счастью, рассмеялась. И конечно, она опять взяла Библию и прочитала ему о том, что Иисус Христос оставил небесную славу и стал подобным людям во всем, кроме греха.

— Это такое великое чудо,— сказала она,— что превосходит наш разум. Но все это было нужно, чтобы нас спасти. Когда Господь Иисус пришел на землю, Он оставил всю Свою небесную славу: Свое могущество, Свое всеведение, Свою вездесущность, Свою неприкосновенность. Да, в Библии написано, что хотя Он и Сын Божий, но научился послушанию и поэтому страдал... Трудно представить себе, что Иисус Христос должен был чему-то учиться. Его могли бить и над Ним могли насмехаться. Его могли арестовать и мучить. Его могли даже убить. Но в Библии написано, что это все только потому, что Он Сам этого хотел! Да, Фрек, я верю, что Иисус так же, как и ты, должен был учиться мастерству плотника.

Фрек с удивлением слушал ее рассказ. Его сердце наполнилось глубоким благоговением. Как хорошо мог понять его Господь, когда у него что-то получалось только с трудом.

Но в одном он был абсолютно уверен, и даже бабушка Кломп его в этом не переубедит: его изделия никогда не будут такими красивыми, как те, которые делал Иисус Христос!

Как-то во время работы Фрек так сильно ударил себя по пальцам, что сказал плохое слово. Оно вырвалось у него

прежде, чем он успел подумать. Да, это опять показало, кто он...

Подобен людям, но без греха... Это было чудо, о котором он не переставал думать.

Уроки черчения, по мнению Фрека, всегда проходили очень быстро. У него было хорошее местечко, рядом с окном. Он наслаждался обилием света и хорошим видом сверху на канал. Но он редко выглядывал наружу: работе требовала все его внимание. Только время от времени нужно было распрямить спину. Чертежная доска лежала горизонтально на столе, и если все время стоять, склонившись над ней, то начинали болеть мышцы.

Благодаря своему месту около окна, он сразу замечал, когда что-то происходило у канала. Так однажды внимание Фрека привлек шум на его противоположной стороне. Выглянув в окно, он увидел на краю вала большую группу возбужденных людей. Они смотрели и показывали на что-то, покачивающееся в воде.

Учитель тоже подошел к окну, и в классе вдруг все зашумели. Каждый хотел видеть, что там происходит. Можно ли им тоже посмотреть?

Правила были строгими, но в этот раз учитель не отправил ребят обратно на их места. Они увидели, как подъехали полиция и пожарная охрана с различными приспособлениями для того, чтобы вытащить из воды мужчину. Он был в униформе.

— Немецкий солдат,— сказал учитель.

Почти все мальчики были потрясены и стихли. Утонувший человек. Фрек никогда еще не видел мертвеца. Это зрелище произвело на него глубокое впечатление.

Тело болталось в сетях, когда его вытаскивали на берег.

— Вероятно, упал в воду в темноте,— предположил учитель.

Да, такое случалось часто. Вечером и ночью нигде не было освещения. Все окна должны были быть

затемненными, чтобы пилоты союзных стран не могли различать объекты на земле. Но это также означало, что нужно было проявлять большую осторожность, если приходилось куда-то пойти.

Появилась немецкая полиция, которая прогнала толпу на той стороне канала. Такому количеству людей нельзя было стоять вместе. Существовал запрет: больше трех не собираться.

Утонувшего солдата увезли, а ребятам было велено вернуться на свои места.

— Может, его туда сбросили,— заметил один мальчик.— Подпольщики так делают.

— Хватит разговаривать, начинаем работать,— строго сказал учитель и укоряюще взглянул на мальчика.

Было неразумно говорить такое вслух.

Фрек долго не мог забыть утонувшего солдата. Нечаянно упасть в воду — страшно. Но быть сброшенным в воду — еще страшнее.

А где-то в Германии, может быть, какой-то мальчишка остался без отца, и от этой мысли Фреку стало грустно. Он и думать не хотел о том, что его отец тоже может утонуть!

9. Опасная для жизни игрушка

Во время воздушной тревоги каждый, кто находился на улице, должен был искать укрытие. Если поблизости находилось бомбоубежище, то нужно было прятаться там. Высоко в небе взрывались снаряды зенитной артиллерии, и иногда было слышно, как осколки градом падали на землю. Они запросто могли ранить или даже убить тебя.

Не всякий хотел идти в такое убежище. Там было душно и часто воняло. Нередко случалось, что убежище использовалось вместо туалета.

Кроме того, лучше, чем сидеть в темноте и ждать окончания боя, люди хотели смотреть на все

происходящее, потому что так у них оставался еще шанс спасти свою жизнь, когда начнут падать бомбы. “Если бомба упадет прямо в такое убежище, то тоже не останешься в живых”,— говорили они.

Конечно, это было и известное любопытство жителей Амстердама.

Воздушные бои являлись захватывающим зрелищем. Немецкие Мессершмитты и английские Спитфайры в мертвой схватке друг с другом — это была картина, вызывающая страх, но оторвать глаза от нее было просто невозможно. Битва не на жизнь, а на смерть с земли казалась игрой между скоростными самолетами.

Это было очень увлекательно, но Фрек всегда думал о людях, которые находились в самолетах. Молодые еще мужчины, вынужденные рисковать своей жизнью. Которые никогда еще не видели друг друга, но делали все, чтобы убить друг друга. Об этом он постоянно думал. Был ли это немец или англичанин, который в охваченном пламенем самолете падал вниз — он не мог радоваться. Он всегда чувствовал облегчение, когда видел, как в последний момент из горящей машины выпрыгивал пилот и через несколько секунд раскрывался парашют. Тогда у него, по крайней мере, был шанс достичь землю живым. Но Фрек уже видел, как такой самолет, в который попадал снаряд, разлетался на части высоко в небе. В таком случае у пилота не оставалось никакого шанса на спасение.

При этом некоторые люди издавали радостные крики, и это он не понимал. Его всегда охватывала лишь глубокая печаль.

Войну он считал чем-то ужасным. Как посмотришь на осколки снарядов и на пули! Не хотелось думать, что такое может попасть в тебя! Иногда такие вещи можно было найти на улице. Некоторые мальчишки собирали их. Были и такие ребята, которые хранили настоящие, еще неиспользованные патроны, которые они где-то находили.

Такую находку обязательно нужно было сдавать в полицию, но они не делали это. Было интересно иметь настоящие боеприпасы. Но и опасно для жизни!

Однажды перед уроком практики в мастерской один мальчик показал другим, что он нашел. Неиспользованный оружейный патрон. Каждый, разумеется, хотел посмотреть эту находку, и патрон переходил из рук в руки.

— Тебе надо его сдать,— сказал кто-то. Он был немного завистлив.

— Что, мне? Никогда! — сказал владелец.— Очевидно, тебе!

— Зачем он тебе, собственно, нужен? — спросил другой.

— А тебе что, завидно?

— Если бы патрон был моим, то я кинул бы его в огонь. Сделай костер и брось туда эту штуку. Произойдет взрыв что надо.

— Ты знаешь, что пуля может пройти через тебя насквозь?

— При себе носить такую штуку тоже опасно. В кармане патрон нагреется и может тогда взорваться.

— Что за бред! Должно быть очень жарко, чтобы патрон взорвался.

— Ты что, патрон не взрывается от температуры. Это совершенно невозможно! Только от удара. Если ты уронишь его на землю. И тогда еще бесполезно. Его нужно бросить с силой.

— Я вытащу порох, тогда он больше не сможет взорваться,— сказал владелец.

— Как ты хочешь это сделать?

— Извлеку пулю из гильзы и потом просто так вытрясу порох.

— А ты посмеешь?

— Почему бы и нет? Если это делать осторожно, то ничего не будет. Нельзя только трогать капсюль или ударять по нему.

Он вставил патрон в тиски верстака.

— Ты хочешь сделать это здесь? — спросили товарищи и с любопытством окружили его.

Фреку это совсем не понравилось. Он втайне желал, чтобы скорее пришел учитель и начался урок.

— Не надо, это слишком опасно,— попробовал он остановить ребят.

Но они только посмотрели на него с усмешкой.

— Ну, тогда прячься...— посоветовали ему,— Под верстак и плашмя на живот, там тебе ничего не будет.

Это было для него уже слишком. Он не хотел, чтобы о нем так думали, но все же отошел немного дальше.

Владелец патрона принялся за дело. Но оказалось, что не так-то просто вытащить пулю из гильзы. Нужны были инструменты.

А между тем добрые советы не прекращались.

— Не бей, если ты заденешь капсюль...

— Пулю можно выковырять и острым гвоздем.

— Как бы не так! Гильза зажата вокруг головки, тут гвоздь не просунешь.

— Ну, тогда возьми маленькую стамеску.

— Нет, не бей!

— Да я и не это имел в виду. Осторожно подсунуть и приподнять.

— Никогда не получится.

— Отпили тогда головку.

— Вот осел, ведь он испортит гильзу.

— Если вы отойдете в сторону, тогда я смогу что-то сделать. Вы прямо висите на мне,— раздраженно сказал владелец патрона,— Я и сам справлюсь с ним.

К счастью, другие отступили немного назад, потому что, как только он снова принялся за свой патрон, раздался страшный взрыв, так что мальчишки, кувыркаясь друг через друга, разлетелись во все стороны.

Пуля ударилась в стенку рядом с дверью, а над верстаком повисло облако порохового дыма.

В классе вдруг наступила гнетущая тишина.

От страха большинство учеников побелело как мел. Как и учитель, который как раз в момент взрыва появился в дверях! Пуля пролетела на волосок от него и чуть было не лишила жизни.

Никого не убило, никого не ранило — это можно было назвать просто чудом. Только “специалист по взрывам” почернел в лице от порохового дыма.

Учитель закрыл за собой дверь. Ноги его еще дрожали. Он перевел взгляд от верстака на мальчишек и от мальчишек на то место, куда ударилась пуля.

— Взять бы вас всех за башку и стукнуть лбами друг об друга,— так начал он. Это была еще самая приятная часть его речи, которая, как им показалось, длилась целый час и которую они в жизни не забудут. Для этого он и говорил.

Он всех наказал.

10. Жестокий мир

Бабушка Кломп сама уже не выходила на улицу, и Фрек продолжал ходить для нее за покупками. Часто ему приходилось стоять в очереди. Иногда внезапно распространялся слух, что где-то можно было купить то или другое, и тогда все люди устремлялись туда. Бабушка Кломп была уже не в состоянии это делать. Часто, чтобы купить редкие товары, приходилось бороться за свое место в очереди.

Горькая нужда научила Фрека, как постоять за себя. Но когда он видел, как порой люди поднимали шум и, чтобы быстрее добраться до прилавка, чуть ли не хватали друг друга за горло, им овладевало странное чувство стыда. Ведь было уже и так много горя, всем было трудно, и почему люди не могли быть дружелюбней друг ко другу? Если бы каждый честно ждал своей очереди...

Фрек как-то заговорил об этом с бабушкой Кломп. Он опять стоял в одной очереди, где уже наперед было видно, что товар достанется не каждому. Поведение людей напугало его. Они толкали, били и топтали друг друга, даже дрались. Естественно, каждый терпел нужду, это он понимал. Но люди в очереди вели себя, как дикие звери, не считаясь друг с другом.

— Таковы люди,— сказала бабушка,— по природе мы все такие, Фрек. Мы только не любим в этом

признаваться. Когда у нас еды достаточно и жизнь во всех отношениях хорошая, это не так заметно. Тогда мы в основном ведем себя прилично. Но теперь, когда идет война и жить стало так трудно, больше появляется другое. Мы — грешники. Мы от природы склонны ненавидеть Бога и наших ближних.

Она снова взяла Библию и прочитала ему, что Бог сотворил человека хорошим и что человек сам избрал грех и отвернулся от Него.

Фрек много размышлял об этом. Он уже не чувствовал себя неловко, когда бабушка так говорила и открывала при этом Библию. Хотя ему не очень хотелось, чтобы другие знали об этом и видели бы его здесь.

Жаль, что люди так поступили там, в Едемском саду. Если бы они остались послушными, то никогда бы не было войны. В этом он был убежден.

Сам того не сознавая, Фрек все чаще мыслил, исходя из библейских истин. Написанное в Священном Писании и зло вокруг него так очевидно совпадали друг с другом. И если бы не пришел Спаситель, Которого обещал Бог, тогда мир безнадежно бы погиб. Чтобы не сомневаться в этом, ему не нужно было смотреть на других людей в очереди. Он находил это и в самом себе. Внутри у него тоже не всегда было все прекрасно...

Иногда он ловил себя на том, что он разговаривает с Иисусом Христом так же, как бабушка Кломп. Например, когда он думал о Салли и задавался вопросом, где его друг находится теперь. И когда он слышал или читал о жестоком терроре немцев в оккупированной Голландии, тогда его сердце сжималось. Или когда они вечерами стояли наготове со своими чемоданчиками в затемненной комнате, потому что была объявлена воздушная тревога, и над Амстердамом, кроме грохота зенитной артиллерии, слышался гул сотен союзных бомбардировщиков, которые были на пути в Германию. Устрашающая неизвестность того, что все может случиться, и напряженность, в которой

они жили, приводили его к тому, чтобы искать опору в Иисусе Христе.

Тогда он тихонько молился про себя — так, что другие не замечали этого,— чтобы скорее пришел конец этой несчастной войне.

11. Предательство

В профшколе был один учитель, который не скрывал своего мнения о захватчиках. Другие никогда не говорили об этом вслух и не позволяли ученикам недружелюбно высказываться о немцах или высмеивать членов НСП.

Было неразумно говорить открыто на такие темы в школе, где учились сотни мальчиков.

В школе каждый носил голубую форму, и по внешности нельзя было определить, кто “хороший”, а кто “плохой”. Но кто знал, что они делали в свободное от занятий время и в какой семье они жили? Некоторые, возможно, были членами “Юных штурмовиков” или “Гитлерюгенд”. Приходилось проявлять осторожность. У национал-социалистов, казалось, было очень мало чувства юмора, и они не переносили даже малейшей насмешки. А люди острили, естественно, много.

Они придумывали разнообразные шутки и рассказывали забавные истории о Муссерте и Гитлере. Различные карикатуры, представлявшие в смешном виде этих двух вождей, передавались из рук в руки. Но горе тому, у кого обнаруживали такие вещи не те глаза! Простая карикатура, или нелегальный листок, или пересказ анекдота о Гитлере могли кому-то в конце концов стоить даже жизни. Попасть в тюрьму было просто. А от тюрьмы до концлагеря был только один шаг. А в этом лагере могло произойти такое, о чем простой человек никогда не думал, так что вернуться оттуда невредимым было мало вероятным.

Но учитель, который преподавал у них алгебру и геометрию, казалось, совсем не брал это в расчет. Он не пропускал случая, чтобы не показать ученикам нечеловечное мышление национал-социалистов и не предупредить их против расовой дискриминации. Он считал позорным, что с “определенными голландцами” обращаются, как с неполноценными людьми, и говорил, что никакой народ не имеет права возноситься таким образом над другим народом. Ребята хорошо понимали, что он говорил о евреях, которые подвергались таким беспощадным репрессиям.

— Я пытаюсь научить вас основам математики,— сказал учитель,— это пригодится вам потом для вашей профессии. Но еще важнее, чтобы вы стали честными людьми. Нам нельзя бросать наших сограждан на произвол судьбы. Поэтому вы должны знать об этом. Нужно, чтобы мы после войны могли прямо смотреть друг другу в глаза.

Фрек считал своего учителя очень мужественным человеком, потому что тот не боялся говорить такое вслух, но в то же время ему становилось не по себе.

Разве это может хорошо кончиться? Нет, хорошо это и не кончилось.

Однажды во время урока этого учителя вызвали к директору. Там его ждала группа мужчин из службы безопасности, которые арестовали его и увели.

Это мальчики узнали потом от других учителей, потому что об этом, естественно, шли разговоры.

Немцы могли бы арестовать учителя по математике и дома, но они это, видимо, сделали специально в школе, чтобы нагнать страх на его коллег.

Мальчишки спорили о том, кто из них предал учителя, но они это так и не узнали. Кроме того, были еще классы, в которых можно было искать предателя.

Так росло недоверие друг ко другу. С кем можно было еще говорить открыто? И где можно было это делать без опаски? И стены могли иметь уши! Враг тоже слушал.

Одно Фреку в всяком случае стало еще понятней: во время правления “нового порядка” — как национал-социалисты называли “светлое будущее”, к которому они стремились,— честно высказывать свое мнение не полагалось.

12. Английская радиоволна

Война для немцев становилась все труднее. В начале они одерживали одну победу за другой. Поэтому Гитлер стал очень самоуверенным. Он думал, что весь мир станет его собственностью. Но ему пришлось в этом очень разочароваться!

Его наступление в России остановила суровая зима. Под Сталинградом немецкие солдаты сильно пострадали во время ужасных морозов. Бесчисленное число из них погибло или умерло вследствие обморожения и истощения. Их снаряжение не было рассчитано на такие суровые условия. Город Сталинград стал крылатым словом. После жестокой битвы немецкой армии пришлось там сдаться.

Производство оружия в свободных странах, воевавших против Гитлера и его союзников, невероятно возросло, и на многих фронтах воздушные силы немцев уже уступали перед превосходством противника.

Дома у Фрека регулярно слушали английскую радиоволну. Хотя немецкие оккупанты и приказали всем сдать радиоприемники, но отец не сделал это.

— Ни один волос на моей голове не подумает исполнить такой приказ,— сказал он,— Пусть Гитлер сам купит себе приемник. Мой он не получит. Вот как они боятся, что мы узнаем правду.

У них на чердаке лежал очень старый детекторный радиоприемник, который отец собрал еще в детстве. Этот они и сдали. С совершенно невинным видом.

Казалось, что немцам уже все нужно для войны. Медь и бронзу тоже было велено сдавать. В некоторых местах они даже снимали колокола с церквей.

— Хороший признак,— сказал отец,— Если они, чтобы воевать, уже нуждаются в крохах, то значит ветер дует им навстречу.

Нет, радио они не отдали. Но слушать его приходилось тайком. Увеличивать громкость было опасно.

— Предатель ведь никогда не спит,— сказал отец.

Немцы явно рассчитывали на то, что люди все равно слушают английские передачи. Это было очень заметно по тем огромным помехам, которые они создавали. Фрек плотно прижимал ухо к динамику, чтобы уловить каждое слово.

“Говорит радио Оранье...[5] Голос воинствующей Голландии. Морской гез говорит прямо: мы им отомстим, этим собакам нацистским... Оранье победит... Мужайтесь, мы придем...”

Да, некоторые из этих воззваний не выходили у Фрека из головы. А когда звучал Вильгельмус,[6] по спине у него пробегали мурашки, а на глазах выступали слезы. И у отца и матери он тоже заметил это. Но когда говорила королева, у него внутри всегда становилось так тепло... Только прошло уже много времени, а они все не приходили...

Но наконец-то, казалось, это время наступило!

6 июня 1944! Союзники стали высаживаться в Нормандии. Огромная флотилия из всевозможных судов пересекла пролив Ла-Манш, чтобы нанести немцам решающий удар. Это стоило пота, крови и слез, но немецкие военные силы не могли помешать союзникам захватить прибрежную полосу. И однажды укрепившись на том месте, они там и остались.

---

[5] Оранье — фамилия королевской семьи Голландии. Оранжевый цвет со временем стал символом голландского народа.

[6] Вильгельмус — государственный гимн Голландии.

D-day, день решения!

Какое волнующее событие! Оно окончательно решит исход войны. По оккупированным землям пронеслась волна радости. Голландия вздохнула с облегчением.

“Мужайтесь, мы придем!”

Еще немного только потерпеть.

13. Борьба за выживание

5 сентября 1944 года вошло в историю, как очень памятный день.

Довольно примечательно то, что предатель страны придумал название этому дню, которое за ним и сохранилось: страстный вторник.

Внезапно стали распространяться самые невероятные слухи, и в среде голландских национал-социалистов возникла паника. Нацисты сломя голову спасались бегством. Многие пытались скрыться подобру-поздорову вместе со всеми своими пожитками. В первую очередь земля начинала гореть под ногами тех, у кого на счету были какие-то “дела”.

Освобождались вражеские конторы, и производился отвод некоторых частей немецкой армии. Люди с радостью смотрели, как они уходили, и многие после этого стали ждать скорого окончания войны.

Фрек сразу подумал о Салли и горячо надеялся, что для его друга освобождение наступит вовремя.

Но кто ожидал, что теперь страдания закончились, того постигло разочарование.

Оккупационные силы, которые остались, поступали беспощадней, чем прежде. Война потребует еще много жертв.

Казалось, что доживающий свои последние дни нацизм пытался увлечь за собой в пропасть всю Европу. Немецкий народ ужасно страдал от войны, но Гитлер не мог остановиться. Если уже совсем нельзя иначе, то он

хотел погибнуть в огне и пламени. В поражении он обвинял всех, кроме себя. Своих генералов, своих солдат, весь немецкий народ — все они подвели его. Были недостойны его, считал он. Он чувствовал себя преданным каждым.

И до конца он умел пробивать свою волю железной рукой. Даже при очевидном крахе возражать ему было по-прежнему опасно. Кто думал призвать его к здравому смыслу, мог рассчитывать на пулю или веревку. Всякое благоразумие исчезло.

В том же сентябрьском месяце 1944 года рабочие железной дороги объявили забастовку. Это было сделано по приказу голландского правительства, которое находилось в Англии. Но Фрек не понимал, как железнодорожники решились на такое. Февральская стачка 1941 года показала, на что способны немцы. Забастовщиков можно было просто так застрелить.

Фрек читал об этом в нелегальных газетах. Их было строго запрещено распространять, но у них дома они все равно появлялись регулярно.

Где именно отец их брал, Фрек не знал. В то время было лучше не все знать. Если кто-то попадался фашистам и его начинали допрашивать, то он, по крайней мере, никого не мог выдать. Издавались различные нелегальные газеты: “Правда”, “Свободная Голлландия”, “Пароль”, “Верность” и многие другие. В них писали, как на самом деле обстояли дела на войне. Немцы рассказывали только о своих победах, но это оказывалось явной неправдой.

В этих газетах Фрек также много читал о преследовании евреев. И когда он думал о Салли, эти вести приводили его в отчаянии. Попали ли он, его отец и мать, братья и сестры, в руки фашистов? Или они еще где-то сидели в подполье? Увидит ли он их когда-нибудь снова?

Может быть, они находились очень далеко, в концлагере в Польше. Когда он думал об этом, его

охватывала такая безнадежная тоска. Да, война была ужасна.

А бастовать в такое время было опасно для жизни. Но железнодорожники все равно бастовали! Итак, больше никакой транспортировки по рельсам. Ну да, понятно, были некоторые, которые продолжали работать на немцев, но стачка оказалась для захватчиков сильной пощечиной.

Немецкий государственный комиссар Сейс-Инкварт принял контрмеры. Появился запрет на любой судоходный транспорт, и поэтому прекратился завоз продуктов. Быстрее всех это почувствовали люди в больших городах. Никакого железнодорожного движения и никаких перевозок по воде — это значило: почти что никакой еды. И к тому еще, зима была ужасно холодная! Позже о ней будут говорить, как о “голодной” зиме.

Продуктов становилось все меньше и меньше. Прошло не так уж много времени, а Фрек уже постоянно ходил с урчащим желудком. Картофель очень трудно было купить. Маленький кусочек хлеба должен был хватить человеку на неделю.

Люди всячески пытались дополнить голодный паек. Ели цветочные клубни. Но чаще всего ели сахарную свеклу — корм, предназначенный для скота. Ее приготовляли различными способами. Иногда ели просто сырой или терли на терке и выпекали на сковороде. Варили из нее также своеобразную кашу.

Такая еда не была вкусной, но она немного помогала утолять постоянный голод.

Вскоре не стало топлива, а зима была суровой. Жгучий мороз проникал в дома и овладевал людьми. Вследствие истощения из-за недоедания со временем даже в кровати стало трудно согреваться.

Отец снял на чердаке несколько планок, но и эти дрова скоро кончились. Фрек стал ходить вместе с другими ребятами с его улицы на канал, чтобы вылавливать там уголь. На том месте, где раньше пришвартовывались угольные баржи, можно было найти различное топливо: кокс и угольный брикет, яйцевидный брикет и антрацит. Все это упало в воду еще раньше, когда разгружали баржи. С помощью различных самодельных приспособлений мальчики обыскивали илистое дно в поисках драгоценного топлива.

Однажды Фрек нашел место, где раз за разом вытащил из воды столько добра, что смог наполнить целое ведро. Вне себя от радости, он тащил свою тяжелую ношу домой. Как обрадуется мама, когда увидит это. Теперь они смогут хоть один раз хорошенько согреться.

Он спросит у мамы, можно ли немного отнести бабушке Кломп...

И кто знает, сколько еще лежит на том месте. Он теперь знал точно, где нужно искать, а других мальчишек с ним не было. Такое местечко лучше сохранить в тайне, иначе выловят все у тебя под носом.

Мысленно он уже видел горящую печку и представил себе сияющие от радости лица отца и матери.

И тут неожиданно на него напали двое мужчин! Один схватил его сзади, а другой выхватил из его рук ведро с углем. Фрек сопротивлялся, как дикий зверь, но это не помогло. Он звал на помощь, кричал и ругался, он пробовал вырваться, бил воров по ногам, но все напрасно. Никого не оказалось рядом, кто бы мог ему помочь. Плача от ярости, он смотрел, как эти двое скрылись с его драгоценным топливом.

Совершенно расстроенный, он вбежал в комнату бабушки Кломп. Ей он рассказал всю историю. Старая женщина сразу поняла, что его сердце мучит жгучий вопрос: почему Бог такое допускает? Как он ни любил

своих родителей, но обратиться к ним с этой проблемой он не мог.

Бабушка Кломп честно призналась ему, что тоже не знает этого. Но она могла прочитать ему из Библии, что Бог может сделать так, чтобы призванным по Его изволению все содействовало ко благу.

На это Фреку не хватало ума. Какое может быть благо в том, что его ограбили?

— Иногда мы в жизни гораздо позже понимаем подобное,— сказала бабушка Кломп.— А может нам придется ждать до вечности. Но может быть и так, что такой случай удержит нас от того, чтобы мы сами совершили такой трусливый поступок.

Над этими словами Фрек глубоко задумался.

Бабушка Кломп прочитала 72 псалом и показала ему, что у Асафа были такие же переживания: "И вот, эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатство. Так не напрасно ли я очищал сердце мое, и омывал в невинности руки мои?.."

Этот текст сразу коснулся его сердца. Конечно, это были нечестивые люди, которые украли его ведро с углем! Хорошо, что такое написано в Библии... Несчастные воры! Но что касается чистого сердца... К нему это не совсем относилось — это Фрек осознавал. Он мог бы убить этих двух злодеев!

"И думал я, как бы уразуметь это; но это трудно было в глазах моих, доколе не вошел я во святилище Божие и не уразумел конца их",— читала бабушка Кломп.

Фрек слушал, и буря в его сердце утихала. Из прочитанного он понял, что безбожникам не суждено иметь мир.

"Ибо вот удаляющие себя от Тебя гибнут."

Страдания из-за унижения и несправедливости, которые причинили ему эти воры, он не мог так просто забыть. Но все же что-то произошло с Фреком. Вот так вдруг, когда бабушка Кломп читала последний стих

псалма, его наполнило такое же желание, которое выразил Асаф, а именно: иметь тесное общение с Богом.

Он уже сложил руки до того, как бабушка Кломп предложила ему еще вместе помолиться.

14. Лучше сосед вблизи...

Газ и свет отключили. Не было больше сырья для обеспечивания энергией. Отключали даже воду. Почти что весь день из крана не бежало ни капли. Тогда положение начинало казаться весьма угрожающим.

Бабушка Кломп иногда что-то приберегала специально для Фрека. “Мне ведь столько уже не нужно”,— говорила она. Но Фрек заметил, что в последнее время она сама стала очень худенькой. Освобождение должно наступить очень скоро, иначе...

Однажды вечером в их дверь постучали. Фрек как раз крутил велосипедное колесо, которое отец мастерски закрепил на цоколе. Таким образом, с помощью динамо и старой фары от велосипеда, они добивались слабого освещения.

Отец пошел посмотреть, кто там. На лестничной площадке стоял дядя Герман. Со свойственной ему усмешкой, он что-то держал в обеих руках.

— Можно к вам на минуточку? — спросил он.

— Если ты только пришел не на кофе, потому что мы забыли его принести,— пошутил отец.

— Я не пришел что-то получить, я пришел что-то дать,— таинственно произнес дядя Герман и опять рассмеялся своим неприятным смешком. Но потом он добавил серьезно:

— Я не знаю, в курсе ли вы, потому что сейчас у всех людей достаточно своего горя, но дела у старой бабки, здесь по соседству, неважные. Я имею в виду бабушку Кломп... Она тает на глазах. Ей нужно что-нибудь укрепляющее. И теперь мне удалось, вы не поверите,— он

снова засмеялся,— достать для нее вкусный кусочек мяса. Вот, посмотрите-ка.

Он развернул один пакет. Они не могли поверить своим глазам.

— Кролик! — воскликнул пораженный отец.— Где ты его взял?

— Нет, не кролик, это заяц,— сказал дядя Герман,— выпотрошенный и жирный. Смотрите, я положил жир вовнутрь. Видите?.. Пожарьте, пожалуйста, и позаботьтесь, чтобы старая бабка немного поела. Она не сможет сама хорошо его приготовить, я думаю. Но послушайте, я не хочу, чтобы она узнала, что это от меня. А так как у вас от запаха жаркого уже слюнки текут, я и вам принес одного... Тогда вам не нужно грабить старую душу.

— А вы сами как? — спросила мама.

Дядя Герман опять рассмеялся своим неприятным смехом.

— Вы думали, что я буду вас откармливать, а о себе не подумаю? Как бы не так! Мы едим оленью вырезку с жаренными каштанами и яблочным муссом. И только, чтобы вы не нагрянули к нам во время обеда, я принес вам этих двух жалких зайчиков.

— Ну, а теперь серьезно,— сказал отец,— как они тебе достались?

— Я знаком с одним немецким генералом-полковником, и он время от времени берет меня с собой на охоту в дюны,— рассмеялся дядя Герман,— Ну да, это запретная зона, об этом вам рассказывать не нужно. Там никакому гражданскому появляться нельзя. А немцы целыми днями только и делают, что поглядывают на противоположный берег: не идут ли уже англичане. Поэтому все это царство принадлежит этим милым зверушкам, и они там размножаются только так. Там все кишит ими, так что их можно ловить руками. Я вру, если это неправда. Немного соли на хвост, и он — твой.

Довольствуйтесь этим. Больше я вам все равно ничего не расскажу.

— Тайнописец! — сказал отец.

— Еще и ругаешься? — хихикнул дядя Герман.— Я еще раз приду, принесу немного дров для печки. Или вам тоже нужно сначала знать, где я их взял? Все через моего немецкого друга.

Фрек отлично понимал, что сосед все просто так выдумал.

— Чокнутый,— проворчал отец, когда дядя Герман ушел,— Я ни на один цент не доверяю ему.

Но мама рассматривала при слабом свете драгоценное мясо и покачала головой.

— Оно выглядит необыкновенно вкусно,— сказала она.— Лучше будь благодарен ему.

Они наслаждались зайчатиной. Несмотря на ограниченные средства, мама сумела сделать из него царский обед. А бабушка Кломп не могла поверить своим глазам, когда Фрек принес предназначенную для нее долю. Она тоже лакомилась мясом, но Фрек удивился, как мало она съела.

— В старости это всегда так,— сказала она.— Тогда так много уже не нужно. Правда, больше было бы мне во вред.

Она настояла на том, чтобы он тоже поел. Фрек вначале возражал, но, честно говоря, его не нужно было сильно убеждать взять и себе кусочек. К тому же бабушка Кломп сказала, что она не хочет, чтобы драгоценное мясо пропало. А это обязательно случится, если он не возьмет себе порядочный кусок, потому что ей нужно несколько недель, чтобы съесть все мясо, а так долго оно не сохранится. Это успокоило его совесть.

Однажды вечером, через несколько недель, дядя Герман снова стоял перед дверями.

— Нет,— сказал он, улыбаясь,— я не пришел узнавать, было ли вкусно, потому что мы с женой наверху

слышали, как вы чавкали. Как вы думаете, могу ли я вас еще раз обрадовать? С тем же условием, как и в первый раз, потому что вы знаете, что я немного переживаю за бабушку Кломп.

Отец и мама смутились.

— Мы готовы заплатить за них,— сказала мама.

— Заплатить? — притворившись возмущенным, сказал дядя Герман,— Чем же? Если у вас есть золото, тогда пожалуйста. А эти фантики можете себе оставить, ими можете растопить печку. Мне было бы стыдно брать от голодающих людей деньги за эту малость еды. Кроме того, мне это ничего не стоило. Но это я вам уже объяснял. Впрочем, эта парочка зайцев не из дюн, а из капустного царства.[7] Один играл на флейте, другой бил в барабан, но теперь они больше ничего не делают.— Он опять засмеялся своим противным смешком,— Они меня вдруг признали настоящим знатоком музыки, и я смог просто так унести их с собой.

— Чокнутый,— засмеялся отец добродушно.

— Для вас — да,— рассмеялся дядя Герман,— но для зайчиков — нет. Тут я неумолим. Берете или нет?

— С удовольствием,— сказала мама,— большое Вам спасибо.

— Все в порядке,— улыбнулся сосед.

— Зачем ты его обижаешь,— проворчала мама, когда дядя Герман ушел,— постоянно ты со своим: чокнутый.

— Его разве можно обидеть? — усмехнулся отец.

---

[7] Тут дядя Герман пользуется известной голландской детской песенкой:

В одном капустном царстве
два зайчика сидели.
Один играл на флейте,
другой бил в барабан.
Но вдруг пришел охотник,
он одного убил.
Другой остался целым,
но сильно загрустил.

— Ты ведь не знаешь,— сказала мама,— если ты перестараешься и оскорбишь его... Он не обязан приносить нам зайцев. Это только доброта этого человека. Он может и другим их отдавать.

Но дядя Герман никогда не обижался и регулярно приходил с парой чудесных зайцев.

Фрек никогда особо не любил соседа, но теперь он начал его уважать. Его дары, действительно, были большой помощью, потому что отец не мог выходить из дома и искать пищу. Точнее сказать, он ушел в подполье.

С тех пор, как ему приказали копать для немцев окопы и бункера, он перестал ходить на работу. На чердаке он сделал для себя укрытие на тот случай, если придут его искать. А если он не успеет воспользоваться им, то он знал еще один выход из положения. По всей улице чердаки соединялись между собой маленькими пожарными дверцами. Это была возможность спастись бегством. И в случае необходимости он может выбраться через чердачное окно на крышу и таким образом ускользнуть.

Движение Сопротивления оказывало им помощь.

Фрек уже не раз видел сам, когда звонили и он сверху открывал входную дверь,[8] как кто-нибудь входил и, быстро закрыв за собою дверь, произносил пароль. Не громко, конечно, а как можно тише, потому что никто чужой не должен был его слышать.

“Опо”,— говорили тогда.

Это означало: Оранье победит обязательно.

15. Поручение

Немцы войну уже почти что проиграли. Их оттесняли на всех фронтах, и в конце концов они воевали на собственной земле.

---

[8] В старых голландских домах входную дверь с вышележащих этажей открывают с помощью веревки, которая натянута вдоль перил.

Города и села превратились в руины. Союзные бомбардировщики беспрерывно сбрасывали свой смертельный груз на гибнущую Германию. Но Гитлер и не думал сдаваться и таким образом прекратить пролитие крови. Безжалостно он продолжал требовать от граждан своей страны, чтобы они жертвовали жизнью за проигранное дело.

Некоторые из офицеров попытались совершить на него покушение. При этом погибли разные люди, но он сам остался в живых. В безумном ослеплении он увидел в этом руку "провидения" и знак того, что война еще не проиграна и может принять благоприятный для него поворот. Он надеялся, что "тайное оружие", над которым работали его инженеры, будет вовремя готово. Тогда у него вновь появится шанс на победу, думал он.

Он уже шокировал мир ракетами-снарядами Фау-1 и Фау-2 и причинил большой ущерб Англии. Но с помощью "тайного оружия" Германии он надеялся окончательно заставить своих противников встать на колени. Единственное, что ему теперь было нужно — это выиграть время.

И он продолжал давать из подпольного бункера самые зверские приказы своим солдатам. Юношей из Гитлерюгенд — часто это были еще дети — призывали на войну. И старые мужчины, которые давно уже не годились в солдаты, должны были воевать. Каждый, кто только мог держать оружие в руках.

Приближаясь к концу, война становилась все более жестокой. Немцы продолжали безжалостно властвовать в оккупированной Голландии. К борцам Сопротивления, которых им удавалось арестовать, милости не проявляли.

В нелегальных газетах появлялось все больше оптимистичных новостей, но в ежедневной жизни из этого мало что было заметно. Жизнь была серой, и многим угрожала голодная смерть.

Но более всего Фрека пугали сообщения о зверских преступлениях фашистов в концентрационных лагерях, где они жестоко издевались над пленными и заставляли их так тяжело работать, что люди умирали на ногах. Только после войны Фрек узнает, что все было гораздо хуже, чем он мог представить себе в самых кошмарных снах.

Каждый раз он вновь видел перед собой полное отчаяния лицо Салли. Тогда ему становилось так плохо, будто он должен был задохнуться.

Кто-то чужой посетил бабушку Кломп. Фрек увидел это случайно. Незнакомец вышел из дверей ее дома, когда он сам был на пути к ней. Он никогда раньше не видел этого человека.

Он сразу понял, что случилось что-то особенное. Нельзя сказать, что бабушка Кломп казалась взволнованной, но все равно она была какой-то другой, чем обычно. И уже вскоре выяснилось, что он не ошибся.

— Ты знаешь, где работает ваш сосед, Фрек? — спросила она его.

— Дядя Герман?

— Да, он.

— Знаю, я как-то проходил там мимо.

— Ты бы мог ему что-то передать?

— А что нужно передать? — он вопросительно взглянул на нее.

— Ты должен ему только что-то сказать.

— Скажите, что?

— Водопровод прорвало.

— Где? — спросил Фрек.

— Если ты ему это скажешь, он будет знать достаточно. Но больше ни с кем не говори об этом! И, Фрек, пусть это останется между нами. Ведь нам может угрожать опасность, если ты не будешь бдительным. Поэтому будь очень осторожным. Сначала посмотри издалека, на работе ли он. Если там рядом будут немцы или другие люди, которые покажутся тебе

подозрительными, то не рискуй тогда. Лучше сразу возвращайся. И смотри, чтобы тебя не заметили. И не обращай на себя внимание тем, что ты бросишься бежать. Старайся сохранять спокойствие. Дело срочное, Фрек.

Взгляд бабушки Кломп был таким серьезным.

— Я сейчас же пойду,— сказал Фрек.

Он сначала удивился странным словам, которые ему нужно было передать, но потом сообразил, что это, видимо, обусловленная фраза и дядя Герман знает, что она означает.

Его только удивило, что бабушка Кломп, явно, была в курсе того, чем занимался дядя Герман. Может быть, этот чудак все же имел дело с движением Сопротивления.

Он снова вспомнил тот вечер, когда мальчишка из “Юных штурмовиков” сказал ему, что хотят арестовать Салли и его родных. Тогда бабушка Кломп тоже послала его к дяде Герману. Но ему было трудно представить себе, что дядя Герман был тем человеком, который мог предпринять что-нибудь против оккупантов. Кто бы воспринял всерьез этого чудака с его глупым смешком?

— Порой он кажется слабоумным,— однажды сказал отец.

Но в тот раз мама рассердилась. Да, она быстро заступалась за других.

16. На складе

Фрек быстрыми шагами направился в ту сторону, где находился склад. Большое здание стояло на убогой улице. Кругом все выглядело грязно и уныло.

По возможности незаметно он стал осматривать улицу. Людей было мало, и они выглядели обычными жителями близлежащих домов. Немцев нигде не видно. И никого, кто был бы похож на “тихого”: полицейского в штатском. Все казалось безопасным.

Фрек медленно пошел дальше, сохраняя, насколько это было возможно, самый безразличный вид. Он был рад, что снаружи не было видно бешеного стука сердца. Хотя он не знал, в чем дело, но окружавшая его поручение таинственность сама по себе уже создавала напряжение. А во время этой несчастной войны вся атмосфера казалась угрожающей. И те предупреждения, которые он услышал от бабушки Кломп, принуждали его быть внимательным вдвойне.

Большая дверь склада стояла открытой. Фрек сначала прошел мимо по противоположной стороне улицы, при этом украдкой бросив взгляд внутрь. Никого не видно. Он дошел до перекрестка. Здесь он мог заодно посмотреть, нет ли в переулке чего-то подозрительного. Все казалось спокойным.

Он перешел на ту сторону улицы, на которой стоял склад, и медленными шагами направился к нему. Теперь он мог только надеяться, что за ним никто не наблюдает. Чем ближе он подходил к двери склада, тем больше ему чудились сверлящие сзади глаза.

Досадно, что он так нервничает! Интересно, другие тоже так волнуются, когда им приходится выполнять такие поручения? Бабушка Кломп, например? Ну да, она сама не смогла бы это сделать уже потому, что так плохо ходит. Но она всегда выглядит такой спокойной. Разве она никогда не боится того, что вдруг может случиться? Если бы она сейчас была на его месте, то она молилась бы, в этом он уверен! И когда Фрек об этом подумал, он сделал так же. Прося у Бога помощи и спокойствия для его испуганно бьющегося сердца, он проскользнул через дверь.

Помещение, в котором он оказался, было похоже на длинный коридор. Фрек пошел дальше, мимо больших тюков спрессованной старой бумаги. Примерно через десять метров был поворот направо, а потом налево, дальше вовнутрь склада. Ему приходилось почти что наощупь искать свою дорогу, потому что освещения не

было. Наконец, он стоял перед дверью маленькой конторы...

Через грязное стекло он увидел горящую свечу на письменном столе... Но по-прежнему не видно ни одного человека... Его окружала гнетущая тишина.

Он зашел в конторку и увидел в противоположной стороне еще одну дверь. Недолго раздумывая, Фрек открыл ее и очутился в коридорчике, где было еще три двери. Кругом пахло старой бумагой.

Где-то ведь должен быть кто-нибудь? Может, позвать?..

Звать он не стал, но открыл дверь с правой стороны и осторожно посмотрел, что скрывается за ней. Помещение оказалось одновременно мастерской и маленькой кухней, которое слабо освещалось через окошечко наверху. Все выглядело как-то жутковато.

Его внимание сразу привлекли веревки, натянутые прямо над его головой. Но еще больше звериные шкурки, которые висели на них! Он перевел взгляд со шкурок на кухонный стол. Неужели это бойня дяди Германа? Но шкурки на веревках были не заячьи!

В этот момент Фрек застыл от испуга.

Не услышав и единого шороха, он вдруг почувствовал, что кто-то хлопает его по спине.

— Интересно? — прозвучало тихо. Потом вдруг послышался смешок, который он узнал бы из тысячи. Дядя Герман! Он облегченно вздохнул и повернулся.

— Если бы я вам сказал, что это чердачные зайчики, то они не показались бы вам такими вкусными,— захихикал чудак-сосед.— Я хотел сохранить мою тайну до конца войны. Но не страшно, что ты это узнал. Есть еще люди, которые охотятся на них, и в этой округе их уже практически истребили. Кто любит свою киску, держит ее в доме или съедает сам. В дюнах стало тихо, так сказать. Но я не стал бы рассказывать это дома. Подожди, пока кончится война. О чем не знаешь, о том и голова не болит. А бабушке Кломп ни в коем случае не говори об этом. Договорились?

Он испытывающе взглянул на Фрека.

— Но ты ведь не станешь утверждать, что пришел сюда, чтобы полюбоваться на мои охотничьи трофеи, а?

Фрек покачал головой.

— Нет, я должен сказать, что водопровод прорвало. Собственно, это звучало немного по-детски, но он увидел, что дядя Герман сразу понял, в чем дело. На миг вспышки молнии Фрек вдруг увидел перед собой совсем другого человека. Это длилось всего лишь мгновение, но он успел заметить перемену. В его глазах мелькнуло что-то такое, от чего можно было напугаться, и раздражающий смешок бесследно исчез. Но это сразу же и прошло.

— Тогда пойдем посмотрим, можно ли это исправить,— пробурчал дядя Герман. Потом он опять улыбнулся Фреку. Но тому показалось, что все же как-то иначе, чем обычно.

— Я пойду и все закрою, и тогда мы вместе уйдем отсюда. Но мы выйдем через заднюю дверь. Подожди здесь немного. Я сейчас вернусь.

Прошло, действительно, немного времени, когда дядя Герман пришел обратно. Он снял кошачьи шкурки с веревок и положил их в старую сумку. Быстро, но с явным спокойствием, он принимал определенные меры предосторожности, и Фрек понял, что он не рассчитывал в ближайшее время вернуться на склад. Потом дядя Герман потушил свечу в конторке.

— Пошли,— сказал он,— иди сразу за мной.

Фрек последовал за ним. Кругом не видно ни зги, но для дяди Германа это не составляло ни малейшего затруднения. Он безошибочно знал дорогу. Наконец, они остановились в подвальчике перед низкой дверью.

— Я теперь приоткрою дверь,— шепнул дядя Герман.— И ты один выскользнешь наружу. Когда окажешься в подъезде, тогда сначала хорошенько осмотрись, не видит ли тебя кто-нибудь. Поднимись по каменным ступенькам, и ты окажешься на улице.

Смотри, чтобы ты как можно скорее исчез отсюда, а потом иди домой.

— А Вы как? — спросил Фрек. Если уж кому-то угрожала опасность, то это дяде Герману.

— Обо мне не беспокойся,— хихикнул тот. Это снова был его старый смех.

— Бабушке Кломп передать еще что-нибудь? — спросил Фрек.

— Не нужно. Она и так уже молится обо мне.

Он сказал это с некоторой усмешкой, но Фрек не был уверен, что он шутит.

Еще что-то спросить он не успел, потому что дядя Герман уже приоткрыл дверь. Фрек выскользнул на улицу и вскоре был на пути домой.

Он поймал себя на том, что тоже в мыслях молится о дяде Германе. Он чувствовал, что тот занимается чем-то опасным. Во время Второй мировой войны такое бывало часто. Особенно, если кто-то помогал гонимым людям.

17. Охота на дядю Германа

Искали дядю Германа, это было ясно. Его жена тоже бесследно исчезла. Ушли в подполье, естественно.

Отец теперь спал на чердаке, потому что некоторых людей уже вызывали на допрос в полицию. Подпольщику лучше туда не попадать. Маму тоже допросили, но у них дома, в комнате. К счастью, все обошлось.

Никто и не мог рассказать что-нибудь конкретное. Каждый говорил одно и то же.

“Сосед?” — “Причудливый человек, немного странный, но зла не делал».— “Где он сейчас?” — “Никакого понятия».— “Куда делась его жена?” — “А кто знает?”

Никто ничего не мог сказать. А, к счастью, так и было, потому что там, в полиции, умели заставлять людей говорить. Допросы, действительно, ничего не дали.

Было, конечно, плохо, что отец теперь постоянно сидел взаперти. Он не мог показываться даже в окне, потому что за домом, вероятно, следили.

Фрек часто бывал у бабушки Кломп. Она ничего не сказала ему о дяде Германе. Фрек и не спрашивал о нем.

В таком случае лучше было ничего не знать. Если фашисты подозревали кого-то в знании важных для них сведений, то они не делали большой разницы в том, с кем имели дело: со взрослым человеком или с мальчиком четырнадцати лет. Он и не знал, какую роль играла во всей этой истории сама бабушка Кломп. Она об этом не говорила. Но еще больше она стала говорить о том, чем ее сердце всегда было переполнено.

В течение последних лет Фрек, сам того не замечая, прошел у нее своего рода обучение библейским истинам. И доброе семя Слова Божьего упало на добрую почву. Постепенно оно возрастало в его душе и принесло плод рождения свыше. Словами это трудно объяснить. Как Господь пробуждает веру в сердце человека, трудно исследовать. Но последствия всегда становятся очевидными. Так же, как бывает с семенем, которое попадает в почву. Если ничего не помешает, оно в определенное время прорастет.

Эта перемена произошла у бабушки Кломп на глазах. Время от времени, небольшими отрывками она рассказывала и читала ему из Библии. И хотя Слово Божье вначале приводило Фрека в смущение, оно всегда ему очень нравилось. Он постоянно должен был думать о нем, и оно стало проникать в его сердце.

При этом его постоянно сопровождала ее простая, чистосердечная молитва. Она просто передавала ему то, что делало ее жизнь такой богатой. Больше она ничего не могла сделать.

Но Господь совершил чудо: Фрек пережил возрождение.

18. Драгоценный подарок

Это было в середине голодной зимы. Однажды, когда он снова ходил за покупками для нее и много времени простоял в очереди, бабушка Кломп достала пакетик и сказала:

— У меня здесь что-то есть для тебя. Подарок на память.

— На память? Разве Вы уезжаете? — испуганно проговорил Фрек.

— Нет, уезжать я не собираюсь,— сказала бабушка Кломп,— но очень долго я в этом мире уже не проживу. И когда меня больше не будет... Тогда у тебя будет память обо мне.

— Для этого мне ничего не нужно, я и так всегда буду Вас помнить,— сказал Фрек, разворачивая пакетик. В нем оказалась маленькая, в кожаном переплете, Библия. Он почувствовал, как краска залила его лицо.

— Я надеюсь, что эта книга доставит тебе радость.

Он кивнул.

— И что она часто будет напоминать тебе годы войны,— тихо сказала старая женщина.

— И Вас,— хрипловатым голосом сказал Фрек. Он охотно сказал бы больше, но не мог. Он никак не мог выразить словами то, что наполняло его сердце.

Между ним и бабушкой Кломп появилась связь, которая оказалась крепче родственных уз. Это была вера в Господа Иисуса Христа. И хотя Фрек молчал, бабушка Кломп немного догадывалась о том, что его волновало. Она могла это видеть и по тому, с каким восхищением он разглядывал Библию.

— Мы с тобой пережили ужасное время,— сказала она,— оно и сейчас не лучше. Нам придется еще подождать, чтобы узнать, каким образом оно закончится для нас, но конец уже очевиден. Свобода у дверей.

Фрек взглянул на свою Библию. Книга об освобождении. Так она ему часто говорила. Единственная книга в мире, которая говорит о том, где началась война и где она должна закончиться. О греховности человека и о милости Божьей. О той страшной борьбе Иисуса Христа в Гефсиманском саду ради освобождения грешников... Она ему все это рассказала. И это подарило ему радость.

Он осторожно перелистывал страницы.

— Я хочу дать тебе совет,— сказала бабушка Кломп,— не читай просто так, как попало. Лучше начни с Нового Завета, сначала Евангелие от Луки, потом Деяния апостолов, эту книгу тоже написал Лука. Тогда получишь краткий обзор событий. И если ты в Ветхом Завете начнешь с книг Бытие и Исход, то узнаешь, как началась история еврейского народа.

Фрек кивнул. Он так и сделает.

— И если тебе встретятся непонятные места, то не переживай, ты можешь спросить у меня. Или ты их просто можешь пропустить. Совсем не страшно. Чем дольше мы живем в общении с Богом, тем лучше мы понимаем Библию. Но если бы кто прожил и сотню лет, он никогда полностью ее не исследовал бы. Ты в этом убедишься, если будешь постоянно читать ее.

Это он обязательно сделает.

Собственная Библия! Он сможет сам теперь читать ее. Это будет труднее, чем слушать рассказы бабушки Кломп. Это он сразу же заметил. Но ему скоро будет пятнадцать лет — достаточно взрослый, чтобы понимать то, что читает.

И он также попробует рассказывать об этом другим. Хотя это будет не так просто.

Он подумал о своем отце и о матери. И о своем друге Салли! С какой радостью он делился бы с ним тем, что получил.

Внезапно он склонился к бабушке Кломп и поцеловал ее.

На ее глазах показались слезы.

19. Библия в доме

— Что это у тебя? — спросил отец.

Фрек вздрогнул. Вопрос застиг его врасплох. Он читал свою Библию.

До сих пор он старался это делать тайком, когда никого не было рядом. А теперь он не заметил, как отец зашел в комнату.

Нельзя сказать, что ему было стыдно, потому что он читал Библию, но он знал, как отец и мать думали о вере. Он не слышал, чтобы они говорили о ней иначе, как с насмешкой. И он не хотел, чтобы они смеялись над тем, что приобрело для него такое большое значение.

— Что это за книжка? — снова спросил отец.

Он взял ее в руки, чтобы посмотреть обложку.

Фрек затаил дыхание. Его сердце замерло.

— Библия?.. Где ты ее взял?

Фрек почувствовал, что краснеет.

Разве это было так странно, что он читал Библию? Ну да, обычным это, конечно, не назовешь. По крайней мере, в их семье. И никто из его родственников не читал Библию.

Отец смотрел на него таким особым взглядом. Но ведь это не могло быть преступлением? Фрек даже немного рассердился сам на себя.

Он так радовался, что услышал Евангелие, и почему он теперь не мог просто показать это отцу и матери? Может быть, из-за страха, что они будут пытаться сломать его молодую веру? Или начнут говорить ему очень обидные слова?

У него появилось такое предчувствие, что ему тогда предстоит сделать выбор.

Господь Иисус или...

Но он не хотел потерять отца и мать!

Тогда Господа?

Нет, никогда!

— Как это тебе пришло в голову начать читать Библию? — спросил отец,— ты боишься?

Насмешки в этом вопросе не было.

Фрек вдруг осмелился посмотреть отцу в глаза.

— Почему ты так говоришь?

— Ну да,— сказал отец,— я только спрашиваю. Сейчас такое время... Я как-то слышал... н-да... Люди ищут опору и тогда они ищут везде... Где ты взял Библию?

— Получил...

— От кого?

— От бабушки Кломп.

— Просто так?

— На память.

— На память? О чем?

— О ней, конечно. Я все эти годы помогал ей, ходил для нее в магазин и прочее. Ты ведь это знаешь?

Отец кивнул и задумчиво посмотрел на него.

— Она очень хорошая,— сказал Фрек.

— И она хорошо на тебя повлияла,— сказал отец.

— Как так?

— Ну, мы ведь тебя этому не учили? Если ей удалось сделать так, что ты стал читать Библию, то ведь это достаточно ясно?

— Я сам захотел,— сказал Фрек.

Его смущение исчезло. Он стал рассказывать, как бабушка Кломп рассказывала ему истории из Библии и время от времени читала из нее отрывки. И как у него появилось желание узнать больше. И как она помогала ему и молилась с ним, когда он скорбел о Салли...

Отец пододвинул к столу стул и сел рядом с ним. Он слушал молча и только время от времени качал головой.

— Ты никогда нам об этом не говорил,— сказал он, когда Фрек почти что закончил свой рассказ,— или твоя мать знает об этом?

— Нет,— ответил Фрек.

— Ты боялся об этом говорить?

— Я не знаю,— сказал Фрек,— я думал, что вы будете смеяться надо мной.

— Разве мы у тебя такие плохие родители?

— Совсем нет! Но когда что-нибудь говорили о вере, ты никогда не хотел слушать об этом. По радио... Когда там что-то передавали... Ты всегда его сразу выключал. И потом шутил по этому поводу. Этого я боялся, да. Что ты так поступишь... Что будешь смеяться над ней.

— Ты, правда, искренне веришь? — Отец посмотрел на него непонимающим взглядом.

— Да, конечно,— сказал Фрек.

Отец опять покачал головой.

— Может, это пройдет,— сказал он. Он встал и отодвинул стул.

— Но, Фрек, если даже и нет, то ты остаешься нашим сыном... И я надеюсь, что вера сделает тебя счастливым.

Потом Фрек был рад, что отец видел его читающим Библию. Теперь родители, по крайней мере, об этом знали, и ему не нужно был больше робеть. Да, непроизвольно он все-таки стеснялся.

Трудно было говорить о Библии с людьми, когда знаешь, что они ничего не поймут. Даже, если это твои отец и мать. Люди, которых любишь больше всех.

Когда мама услышала об этом, то она тоже очень удивленно посмотрела на него. Но она ничего не сказала против. Она вообще почти что ничего не сказала. Может быть, потому что не знала, какой дать совет.

Рано или поздно узнают все родственники, и тогда, по меньшей мере, отец и мать уже будут на его стороне. Когда дядя Виллем услышал новость, он, разумеется, не упустил случая пошутить.

— Пастор в родне никогда не помешает,— рассмеялся он. Но потом дружески хлопнул Фрека по плечу и добавил:

— Молись о нас много, мы в этом нуждаемся.

Взгляд его при этом был серьезным. Неужели он искренне это сказал?

Через несколько дней после того, как отец видел его читающим Библию, Фрек сам неожиданно зашел в комнату. За столом он увидел отца с его Библией в руках! Фрек не мог поверить своим глазам.

— Я только хотел посмотреть,— сказал отец.

Было заметно, что он в свою очередь почувствовал себя застигнутым врасплох.

— Веселого мало... Заканчивается последним судом.

— Это зависит от того,— сказал Фрек,— верим ли мы в Иисуса Христа или нет. Верующим бояться не надо: они на суд не попадут... Написано так.

20. Последние испытания

Положение становилось критическим. Везде царила крайняя нужда. Магазины опустели.

Лишь тот, у кого было очень много денег, мог что-то купить на черном рынке. Например, булку хлеба за сто гульденов.[9] Но такая торговля была строго запрещена, и, если продавец попадался, его Отправляли в тюрьму или концлагерь.

Выпал снег, и ударил мороз. Холодная зима проникала в дома.

Неужели эта ужасная война никогда не кончится? Немцы отступали на всех фронтах, и сама Германия, вероятно, уже превратилась в груду развалин, но где же свобода? Доживут ли они до нее?

Многие люди заболевали. И многие умирали от голода и холода. Фрек делал все возможное, чтобы достать хоть немного пищи.

---

[9] Гульден — денежная единица Голландии. Один гульден равен 0,60 доллара.

Иногда он очень рано утром отправлялся в пункт раздачи питания голодающим, чтобы посмотреть, не осталось ли чего-нибудь в котлах, которые выставляли для мытья на улицу. Часто, когда он приходил, они были уже кем-то полностью выскреблены. Но однажды ему достался суп на донышке, который он, вне себя от радости, перечерпал в свою кастрюльку. Было как раз столько, что хватило и для бабушки Кломп. Суп не был вкусным, потому что, когда они стали его есть, он оказался прокисшим. Но так хоть что-то попало в желудок, и каждый был ему благодарен.

Бабушка Кломп тихо и одиноко сидела в своей холодной как лед комнате. Одетая в пальто, повязанная шерстяным платком, укрытая несколькими одеялами, она зябла в своем кресле.

Сколько они еще смогут выдержать?

С большими трудностями люди пережили эту ужасную зиму.

А потом пришло спасение!

Союзники попросили разрешения сбрасывать продукты на голодающую Голландию. И немцы дали такое разрешение. Не потому, что они вдруг стали дружелюбней, но потому, что видели свой явно приближающийся конец. Может, они просто пытались подстелить себе немного соломки.

Какая радость, когда бомбардировщики вместо бомб стали сбрасывать различные драгоценные продукты! Среди них — белый хлеб из Швеции. Не серый военный хлеб, а хлеб, который казался изголодавшимся жителям Амстердама вкуснее пирожного.

Фрек позаботился о том, чтобы быть на том месте и самому получить при раздаче свою долю. И как быстро они стали поправляться от этих продуктов!

В мае пришла свобода.

Гитлер был мертв! В отчаянии он сам себя застрелил.

Берлин был разрушен. Германия — разбита, там царил хаос. Европа сильно пострадала и ее восстановление потребует много напряженного труда.

Но Голландия опять стала свободной!

С веселыми песнями и танцами люди выходили на улицу. Им нужно было выразить свою радость. Они снова могли говорить вслух то, что хотели.

Канадцев встречали как освободителей возгласами радости.

Какой праздник!

Пережитая напряженность пяти последних ужасных лет войны искала разрядки в необузданной радости. К сожалению, иногда — ив мести!

21. Поменялись ролями?

— Вы не знаете, куда делся Салли?

Это было чуть ли не первое, о чем Фрек спросил бабушку Кломп, когда свобода стала фактом.

Он задал этот вопрос со страхом в сердце, потому что слыша временами появляющиеся сообщения о зверствах в немецких концлагерях, он опасался самого наихудшего. Только позже все зло станет известным в полной мере. Шесть миллионов евреев, среди них полтора миллиона детей, были замучены немцами в их попытке истребить еврейский народ.

В Европе им это почти что удалось. Только из тех, примерно, ста десяти тысяч голландских евреев, которых увезли немцы, было уничтожено более ста четырех тысяч. В сравнении с другими европейскими странами, процент евреев, попавших в руки фашистов, в Голландии оказалось самым большим.

Какая участь постигла Салли и его родных?

Это бабушка Кломп не могла ему сказать. Но она рассказала ему, что дядя Герман позаботился о том, чтобы вся их семья нашла укрытие.

Теперь, когда опять стало возможным открыто обо всем говорить, Фрек узнал, что и она, и дядя Герман участвовали в движении Сопротивления. Какое именно участие принимала бабушка Кломп, он от нее не узнал. Она не любила говорить о том, что касалось ее самой. Но она восхваляла соседа, который во время различных опасных предприятий часто рисковал своей жизнью.

Этот странный дядя Герман со своим глуповатым смешком! Порой ему удавалось уводить евреев прямо из-под носа у немцев. Может быть, как раз потому, что умел прикидываться таким дурачком.

Когда еще ходили поезда, он часто сам увозил их по железной дороге на подпольные квартиры. При этом ему самому не раз угрожала большая опасность. Взволнованные люди легко могли выдать себя единственным словом.

В большинстве случаев семья не могла оставаться вместе, это было слишком большим риском. Было проще укрыть где-нибудь одного человека, чем сразу всю семью. Но расставаться друг с другом людям, наверное, было очень трудно. Увидятся ли они еще когда-нибудь? Никто не должен был знать, где находится другой, чтобы избежать при возможных облавах арест других людей.

Да, дядя Герман отправил и Салли на одну квартиру в Пюрмеренде. Там он пробыл всего лишь несколько дней. Потом, видимо, его укрыли у одного фермера в Вирингермере. Но что было дальше, бабушка Кломп сказать не могла.

Чтобы подпольщики не попали в руки фашистов, их часто приходилось переправлять с одного места на другое. Видимо, и с Салли так произошло.

Об остальных членах семьи бабушка Кломп знала только то, что и их благополучно доставили на первую квартиру. Больше она о них ничего не слышала.

Теперь люди, потерявшие таким образом друг друга во время войны, пытались найти своих. Иногда

неожиданно возвращались домой такие люди, которых родственники уже давно считали погибшими. Это могло стать поводом для очень эмоциональных сцен.

Фрек решил пойти к тому дому, где раньше жил Салли.

Он хорошо понимал, что это не имело смысла, но он постоянно лелеял тихую надежду, что в один прекрасный день он увидит своего друга перед собой. Он был уверен в том, что Салли вернется в Амстердам, свое бывшее место жительства, искать родных и старых друзей.

То есть, если Салли...

Дальше он думать не хотел.

В доме Салли теперь жили другие люди. Они поселились в нем во время войны, после того, как немцы полностью его ограбили.

Фрек взглянул вверх, на окно. Прежде там, за стеклом, часто появлялось радостно улыбающееся лицо Салли, когда Фрек звонил, чтобы вызвать друга на улицу. Это в любом случае уже не повторится. Люди, которые сейчас жили в доме, не позволили бы просто так себя выселить.

Вдруг мысли Фрека прервались от громкого крика.

Он увидел в конце улицы бегущего мальчишку, которого догоняла целая группа других больших ребят.

Вначале Фрек подумал, что это игра. Но когда мальчуган добежал до него и, не останавливаясь, помчался дальше, он увидел в его глазах панический страх.

Недалеко от Фрека они все равно его схватили. Горланящая банда стала притеснять свою маленькую жертву. Мальчик отчаянно продолжал вырываться.

— Сегодня день расплаты!— заорал один из нападающих и схватил мальчонку за волосы.

— Раньше ты носил такую красивую форму,— крикнул другой и так сильно толкнул его, что мальчик шатаясь, попятился назад, в руки другого преследователя.

— Что, уже распрощались с штурмовиками? Что, вы больше не поете?

— Поют! — закричал другой,— только на другой лад! Послушайте.

Он крепко схватил мальчонку за воротник и зло проговорил:

— А теперь — пой!

Другие с улюлюканьем поддержали его:

— Пой, пой!

Но мальчик крепко сжал губы. Он был смертельно бледен.

Фрек хотел прийти ему на помощь, но его оттолкнули.

— Все против одного! — запротестовал он.— Вы что нападаете на такого маленького!

Они его высмеяли и презрительно закричали:

— Вперед, товарищ! Может, ты тоже фашист?

Фрек в отчаянии оглянулся, надеясь где-нибудь найти помощь.

— Пой, или мы тебя поколотим!

На другой стороне улицы в открытых дверях стоял мужчина. Но когда Фрек вопросительно взглянул на него, он крикнул:

— Хорошая взбучка ему не помешает. Такие нас пять лет морили. Теперь роли поменялись.

— Он еще такой маленький! — крикнул Фрек сквозь шум.

— Гитлер тоже ростом не удался,— крикнул мужчина в ответ.— По росту не определишь. Его отец был нацистом. Они живут здесь через три дома. Этого мерзавца уже забрали. Долой этот сброд! Этот маленький подлиза тоже был членом “Юных штурмовиков”... Жалкие предатели.

— Пой! — орали ребята. Они начали бить мальчугана и сами запели гимн НСП.

— Вперед, товарищи...

Они вели себя так, будто с цепи сорвались.

Хотя у Фрека не было и шанса спасти мальчишку, но он не мог оставить его на произвол судьбы. Он снова хотел прийти ему на помощь, но не успел.

Внезапно появился молодой парень. Налево и направо посыпались его крепкие удары, и он потянул мальчика к себе.

— Беги за мной, быстрее! — услышал Фрек и сразу узнал этот голос. В один миг он опять пережил тот момент, несколько лет назад, когда его схватили эти же руки и потащили в подъезд. Тогда его этот парень предупредил, что хотят забрать Салли.

Это был тот же самый штурмовик. А маленький мальчик, видимо, был его брат.

Но у Фрека не было много времени, чтобы думать об этом. Неожиданное появление юноши ошеломило всю группу, но они вскоре оценили свое преимущество и, кроме того, к ним подошли стоявший напротив мужчина и еще один сосед, чтобы вмешаться в дело. Более всего взбесились те, кто получил по крепкому удару, и, когда братья побежали прочь, вся банда погналась за ними.

Если бы старший был один, то он мог бы спастись бегством, но вдвоем у них не было никакого шанса. Он вдруг остановился и показал жестом младшему, чтобы тот бежал дальше.

Фрек понял, что он хотел прикрыть его отступление, но хитрость не удалась.

Мальчуган тоже остановился. Может, он не хотел оставлять своего старшего брата одного? Кто знает.

В одно мгновение кричащая толпа окружила обоих, и их швырнули на мостовую. Со всех сторон их стали бить и топтать ногами.

— Нет! — закричал Фрек. Он подбежал к ним и со всей силой ударил первого попавшего по спине.— Жалкие трусы!

Но мужчина с противоположной стороны улицы крепко схватил его рукой, отгрызнувшись:

— А тебе какое дело, болван? Разве ты не видел, как фашист их бил?

— Чтобы помочь своему брату! — кричал Фрек,— Какие же вы все герои! Вы сами похожи на фашистов!

Он вырвался и протиснулся сквозь толпу бьющих. В середине круга он вдруг увидел обе жертвы. Лицо старшего брата было страшно избито. На дороге была кровь. Тут у Фрека внутри будто что-то оборвалось.

— Прекратите! — завопил он срывающимся голосом. Он схватил первого попавшего за горло и стал дико трясти его.

— Прекратите сейчас же, или я вас всех убью!

Внимание всех переключилось на него.

— Он помог Салли! Он не хотел, чтобы их увезли!

— Он помог Салли? — усмехнулся сосед напротив.— Видно, из огня да в полымя! Где же тогда Салли, плакса? Его давно уже прикончили.

Тут Фрек почувствовал внутри леденящий холод. Ужасную мысль, которую он годами прятал очень глубоко, здесь вдруг так грубо произнесли вслух.

Салли!

Он почувствовал, что все силы оставляют его. Вокруг себя он видел только враждебные лица. Они смотрели на него преисполненными ненавистью глазами. Некоторые стали обзывать его “другом фашистов” или “предателем”, но его это не задевало.

Он еще успел заметить, что двое штурмовиков воспользовались моментом и убежали, и почувствовал облегчение.

Но этот случай снова показал ему, что с освобождением война закончилась еще не для каждого.

Сопровождаемый оскорблениями, он совершенно разбитый, отправился домой.

22. Трудные вопросы

Родителей не оказалось дома, поэтому за утешением он опять пошел к бабушке Кломп. Хотя он уже не тот маленький мальчик, какой он был в начале войны, но у нее он все еще чувствовал себя, как в безопасной гавани. Как

он ни любил отца и мать, они все равно не могли понять его так, как эта старая женщина.

Она сразу увидела, что случилось что-то необычное, но стала ждать, пока он сам заговорит.

Но Фреку было трудно найти начало.

Он был совершенно вне себя от пережитого там, около дома Салли. Противоречивые мысли смущали его. Страх двух братьев и жестокость остальных — это так мучило его. Но и ненависть, вспыхнувшая в его собственном сердце, напугала его.

Более всего его вывели из равновесия слова, которые сказал тот мужчина про Салли. Из-за этого он вдруг разрыдался. Ему стало стыдно, потому что он считал себя уже слишком большим для слез. Но он ничего не мог с собой поделать.

Бабушка Кломп не мешала ему. Поэтому какое-то время в комнате не было слышно ничего, кроме бурных всхлипываний и тиканья часов...

Пока часы не победили и его слезы не перестали бежать.

Он стал рассказывать о своей надежде на возвращение Салли. О своем посещении той улицы, где жил его друг. О своих воспоминаниях о том прекрасном времени несколько лет назад, когда он каждый день бывал в еврейской семье.

Он также рассказал о трусливом избиении и о бессердечном поведении взрослых, от которых он ожидал получить помощь.

— Знаете, я вспомнил забастовку трамвайных работников. Мы с отцом видели, как один немец пинал сапогами лежащего на мостовой лицом вниз еврея так, что бежала кровь. Это было так низко, так подло... А теперь они делают то же самое. Этот парень из “Юных штурмовиков”, он нас тогда предупредил, помните? Все его лицо было в крови. А младшего они тоже избили

до синяков... Я мог бы их всех задушить, знаете!.. Если бы у меня был автомат, я бы их перестрелял... правда.

Фрек содрогнулся, и его губы снова задрожали, когда он это говорил.

— Мы такие же плохие, как фрицы! — выдавил он.

Он вновь вспомнил о том, что тот мужчина сказал про Салли и опять заплакал.

— Я рада, что ты помог тем двум,— сказала бабушка Кломп.— Твои отец и мать могут гордиться тобой. Если мы начнем наказывать детей за проступки родителей, то это будет совершенно несправедливо.

— Они были членами “Юных штурмовиков”, вот почему,— сказал Фрек.

— Потому что их родители состояли в НСП,— сказала бабушка Кломп,— Туда они брали с собой своих детей... Мои родители брали меня с собой в церковь, это было гораздо лучше, но я туда ходила вовсе не добровольно. Я только хочу сказать, что неразумно за это рассчитываться с мальчиками... Но, возможно, мы увидим еще больше несправедливых поступков...

— Один из этих мужчин — спекулянт, я его знаю,— запальчиво сказал Фрек.

Бабушка Кломп улыбнулась.

— И если бы у тебя был автомат, то он тоже уже был бы мертвым. Таковы мы — люди, Фрек.

Озадаченный, Фрек взглянул на нее. Она была права. Он хорошо понял, что она имела в виду.

Он сам испугался той безудержной ярости, которую почувствовал в себе там, на месте избиения.

Они немного посидели молча.

Его сердце волновал жгучий вопрос, который он почти что не осмеливался вымолвить. Может быть, потому что он боялся ответа. Но, наконец-то, он все же решился.

— Как Вы думаете, Салли когда-нибудь еще вернется? — спросил он хрипловатым голосом.

Она посмотрела на него серьезным взглядом.

— Я молюсь об этом, но я не знаю,— ответила она.

— Я тоже молюсь об этом,— сказал Фрек,— И я так надеюсь на это.

Он лежал в кровати, но не мог уснуть.

На улице было еще шумно. После освобождения на их улице так было всегда. Будто люди совсем не хотели спать, будто они решили наверстать упущенное во время темных лет войны.

Тогда вечером нужно было вовремя быть в доме. Уже в десять часов. А в последние месяцы войны уже в восемь часов. Если кто-то позже оказывался на улице, то по нему могли даже стрелять.

Люди всей страны и, особенно, Амстердама сейчас постоянно пребывали в праздничном настроении.

Каждый радовался. Хотя, как сказать...

Немцы, которых взяли в плен, естественно, не радовались. И люди, которые работали на захватчиков, тоже нет. И кто был членом НСП, конечно, тоже нет. Их разыскивали и сажали в тюрьму до суда.

Фреку, собственно, тоже бы радоваться, но ему это плохо удавалось.

Конечно, он был благодарен Богу, что война закончилась, но понимал также, что этим не были решены все проблемы.

А самой большой печалью был Салли.

То, что он пережил днем, натолкнуло его на вопрос, о котором он раньше не думал: что будет со всеми теми людьми, которые во время войны стали на сторону врага? И особенно, что будет с их детьми?

Он много размышлял о том, что бабушка Кломп сказала ему. Если, например, в начале войны тебе было десять-двенадцать лет, и твои родители были членами НСП и хотели, чтобы ты стал штурмовиком, тогда ты ведь в этом не виноват?

Может, с этим парнем так оно и было. Может, он сам даже не хотел, но его принудили. И он ведь не

поддерживал все их гнусные дела. Иначе он не рассказал бы ему, что хотели приехать и забрать Салли и его родных.

И как подло ребята поступили с маленьким мальчуганом. Он ведь совсем ни в чем не был виноват? А если ты просто любишь отца и мать? Ведь дети нацистов тоже любили своих родителей.

Фрек ничего не мог поделать, но он глубоко сочувствовал этим двум братьям. Он снова увидел перед собой избитое лицо и кровь на мостовой и содрогнулся. Он считал это трусостью и подлостью. Похоже, что теперь нужно бояться всех людей.

Но и в собственном сердце порой бушевали греховные чувства.

Про автомат он искренне сказал. Если бы у него было оружие в руках, он применил бы его против этих трусов.

А может быть, больше всего нужно опасаться самого себя?

Перед тем, как пойти спать, он еще прочитал в Библии, что Иисус Христос призвал к себе людей и сказал: “Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко”.

Да, он очень хотел научиться у Господа Иисуса, как правильно жить. Потому что то, что жизнь трудная, он уже понял. Преодолеть жизненные трудности без помощи нельзя.

И если уж кто-то о жизни знал все, так это Иисус Христос. Он делал людям только добро, а Его предали, продали, мучили и убили. И Он позволил так поступить с Собой, чтобы спасти именно таких людей!

“Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец”. Когда он вспомнил эти слова, Фрек почувствовал, как внутри у него потеплело от благодарности, потому что он знал, что это совершилось и для него.

Он уже слышал эти слова раньше от бабушки Кломп, но теперь он сам их прочитал в Библии.

“Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня имеет жизнь вечную”.

Это были слова Иисуса Христа. И Фрек верил им.

Он уже много прочитал в своей Библии, и это ему часто помогало. И сейчас, в постели. Размышляя об этом, он успокоился. “Покой душам вашим”,— это он запомнил. И в этом он так нуждался.

Он хотел избавиться от зла.

И он очень хотел избавиться от мучительной скорби — неизвестности о судьбе Салли.

Бабушка Кломп сказала, что на многие вопросы в своей жизни человек не получает ответа. Что нужно учиться предоставлять Богу те вопросы, которые тебе не под силу. Доверять их рукам Божьим. Это ему показалось трудным.

“Пути Господни совершенны,— сказала она,— Он — абсолютный суверенитет”.

Трудное слово. Такие слова она обычно не говорила. Можно себе представить, что для нее это тоже было трудно. Но он, кажется, понял, что она имела в виду.

Это означало, что все находится в Его власти. Бог — Всевышний...

Получит ли он когда-нибудь весточку от Салли? Увидит ли его когда-нибудь? Он, наверное, сильно изменился.

Со словами молитвы на устах Фрек уснул.

23. Лучше пастора

Впервые в своей жизни Фрек собрался пойти в церковь.

Он еще никогда не был в подобном здании. Да, вместе с Салли он как-то проходил мимо одной церкви,

двери которой стояли открытыми, и тогда они заглянули вовнутрь.

Помещение ему показалось немного таинственным, но и красивым. Он увидел незнакомый для себя мир. Большой красивый орган, длинный стол со прекрасными скатертями, на котором стояли серебряные подсвечники. Да, все это произвело на него впечатление.

Но больше всего его удивил и потряс в церкви большой крест с висящим на нем человеком. Теперь он знал, что это была римско-католическая церковь. В той церкви, куда он сейчас пойдет, он всего этого не увидит. Там все будет гораздо проще. “Скромнее”,— сказала бабушка Кломп. Она ему немного рассказала о том, что он должен был знать о церкви и о том, что там происходит.

Ему было очень интересно.

Он в первый раз охотнее всего пошел бы в церковь с бабушкой Кломп, но это было невозможно. Она не могла пройти пешком такой путь, а транспорт найти было нельзя. Да, может быть, только старую ручную тачку, но с ней он не хотел появляться у церкви.

Бабушка Кломп сказала, что подождет, когда начнут ездить такси. Ну, до этого времени еще много воды утечет. Пока еще много чего не хватало. Но война закончилась, и засияло солнышко. Остальное со временем будет.

Отец и мать привыкли высыпаться по воскресеньям и не думали изменять своему правилу, так что утром Фреку пришлось самому заботиться о себе. Это он хорошо умел и, не потревожив родителей, вышел из дому.

По залитым солнечным светом улицам он искал дорогу в церковь.

Бабушка Кломп объяснила, какая ему нужна, потому что церкви были разные, но кроме ее наставления, что есть католические и протестантские, он больше не знал никакой разницы между ними.

Он взял с собой свою Библию и сборник псалмов, который одолжила ему бабушка Кломп. Он не знал ни

одного псалма, поэтому петь с другими все равно не мог. Так он ей и сказал. Но она ответила, что он мог хотя бы читать слова во время пения. Так он со временем научится их петь. Он уже заглядывал в сборник, но разочаровался, потому что тексты псалмов трудно было понять.

Фрек чувствовал, что все-таки волнуется. Он там никого не знал, может, поэтому.

Чем ближе он подходил к церкви, тем больше он видел на улице людей, которые шли в том же направлении.

Наверно, будет тесно?

Да, так оно и было!

Неуверенно и робко он с трудом прошел вместе со всеми внутрь. Он решил держаться сзади и там поискать себе местечко. И он нашел такое место на последней скамейке, в углу. Там он чувствовал себя немного удобней.

Люди потоком входили в помещение, и вскоре уже не осталось свободных мест. В проходах поставили складные скамеечки, и они тоже уже были заняты. Сидеть на них не очень удобно, потому что не о что опереться спиной. Нельзя ли что-то придумать для этого?

Фреку, как будущему плотнику — он уже получил диплом после окончания профшколы — было бы интересно смастерить что-нибудь. Спинку к стульчику, который бы тоже складывался. Но если бы это было так просто, то кто-нибудь другой придумал бы такое уже давно. Или?..

Ну вот, он сидел в церкви и думал о таком!

Не очень хорошо.

Но это случилось потому, что служение еще не началось.

Фрек окинул церковь взглядом.

Хотя было видно, что у большинства людей после войны не осталось красивой одежды, все равно все выглядели торжественно. Многие были в черном, и некоторые мужчины носили брюки в полоску.

Входные двери закрылись, и орган начал играть. Впереди открылась боковая дверь и вошла группа мужчин; они заняли несколько передних скамеек, по поводу которых Фрек уже задавал себе вопрос, почему их оставили свободными. Теперь он это понял.

Эти мужчины, конечно, были начальниками, потому что у них были такие хорошие места. Вот один из них стал подниматься по ступенькам на кафедру. Так, это был, конечно, пастор. Да, бабушка Кломп рассказывала ему об этом, но все равно все очень необычно, когда видишь это впервые.

“Смотри, что делают другие”,— говорила она.

Он так и делал. Когда все встали, он тоже встал, все очень просто... И когда все опять сели, он сделал то же самое. Только иногда все начинали покашливать, а это ему не понравилось. Тогда он уже не повторял за всеми.

Игра на органе ему очень понравилась.

Здорово, когда умеешь играть на таком инструменте.

Он пытался быстро найти псалом, который пастор предложил для пения, но это ему не удалось. Когда он наконец-то нашел нужный номер в своем сборнике, то уже спели первый куплет. Для него все было незнакомо.

Кто в мире этом славу ищет,
Вдали от Бога и в грехе,
Тот истреблен Всеывшным будет,
Погибнет в горе и в нужде...

Нет, славу в мире он искать не будет, думал Фрек. Богатым ему становиться не нужно. Только бы он смог зарабатывать на хлеб.

Сначала, как плотник... а потом, когда у него будет диплом после окончания вечерней школы, как архитектор-чертежник... Он будет придумывать конструкции из дерева и оценивать их на прочность. Для складных скамеечек, например... К ним же можно придумать спинку. Многие

будут ему благодарны, если он это осуществит... Ведь так у людей будет болеть спина!..

Вздрогнув, он вдруг осознал, чем заняты его мысли. Устыдившись, он опустил голову, ему казалось, что все заметили это и с укором смотрят на него. Наверное, они думают: “Сразу видно, что этот мальчик впервые в церкви. Он даже еще не умеет себя вести как следует”.

От этих мыслей ему стало жарко, и он подумал, что многое в себе еще должен исправить, чтобы стать хорошим посетителем церкви.

Он попытался сконцентрировать свое внимание и следить за служением.

Пастор прочитал отрывок из Библии, потом спели еще несколько псалмов. После этого началась проповедь.

Фрек очень старался слушать, но заметил, что часто, когда пастор говорил о чем-то понятном и важном для него, он сам начинал развивать эти мысли дальше.

Пастор говорил об освобождении после долгой ночи угнетения. Конечно, сразу после войны без этого почти что нельзя было. Но он предупредил, что если люди не извлекут для себя урок из пережитого и не обратятся к Богу, история повторится. Истинное освобождение должно произойти в сердце...

“Как раз то, что часто мне говорила бабушка Кломп”,— думал Фрек.

Хорошо, что закончилась война, но свобода уже принесла различные разочарования.

Случай с братьями из “Юных штурмовиков”... Это он не мог забыть... И он уже видел лежащий на улице хлеб... просто так бросили!.. Видимо, уже забыли, как страдали от голода...

И спекуляция буйно процветала... Потому что кругом и во всем еще ощущался недостаток. Но самое печальное было то, что Салли еще не вернулся...

“Только тот, кого освободил Христос, стал истинно свободным”,— услышал он голос пастора.

Правильно!

На эту тему пастор говорил хорошо. Будто он учился у бабушки Кломп, потому что она говорила ему то же самое. И он сам испытал, что это действительно так.

Если бы Иисус Христос не вошел в его жизнь, он не знал бы, что делать... Только жаль, что Салли нет с ним. Он постоянно молился о том, чтобы все-таки смог увидеться со своим другом. Тогда он рассказал бы ему, что с ним произошло. Салли был не такой, как все. Он обязательно понял бы его.

Тогда он показал бы ему в Библии, что там написано о евреях. И что он тоже относится к избранному народу... Потом он рассказал бы ему, как хорошо знать Иисуса Христа как своего личного Спасителя.

Заслужить спасение невозможно, нет, это пастор правильно сказал! Но Бог дарует нам жизнь вечную, это — подарок. Заслужить — нельзя, а получить — можно!

Это милость! Именно то, что бабушка Кломп всегда говорит.

Фрек старался слушать, но далеко не все понимал. И все же в его сознании что-то происходило. Каждое знакомое слово пробуждало в нем целый мир воспоминаний. Поток его мыслей все увеличивался.

Что бы подумал пастор, если бы он знал, что впервые в своей жизни пришедший в церковь мальчик сидит и сравнивает его с бабушкой Кломп, старой вдовой?

Фрек даже сам не сознавал, что он делал это.

Он только чувствовал себя виноватым, потому что все снова отвлекался своими мыслями и не мог слово в слово следить за проповедью пастора.

Но он не скучал и, когда пастор объявил заключительный псалом для пения, удивился, что собрание уже закончилось.

Господь и Бог, в смертельный час тревоги
Ты душу спас мою и слезы осушил,

На путь прямой поставил мои ноги,
Чтоб на земле живых я радостно ходил.

Ему тоже хотелось петь полной грудью вместе с другими, но он не знал мелодию. Он просто читал слова в сборнике.

Слова эти растрогали его и вызвали в нем благодарные чувства.

И хотя слова псалма ему казались непривычными, он находил в них много того, чему научился и что сам пережил за прошедшие годы.

Когда он с потоком незнакомых ему людей вышел из дверей церкви, на сердце у него было светло, а на улице улыбалось солнце.

Проходя мимо дома бабушки Кломп, он увидел ее в окно. Она ожидала его и жестом пригласила зайти на минутку.

— Как тебе понравилось? — спросила она.

— Хорошо,— сказал Фрек.

— Ты хоть немного понимал проповедь?

— Я пытался, но временами мои мысли куда-то уходили. Пастор что-нибудь скажет, и я начинаю думать об этом, а он уже давно говорит другое.

— Это мне знакомо,— улыбнулась бабушка Кломп,— собственно, так и должно быть: внимательно слушать проповедь и размышлять о ней.

— Иногда он говорил то же самое, что Вы всегда говорите, только...— Фрек задумчиво посмотрел на нее.

— Только... что?

— Вы умеете гораздо понятней говорить.

Тут она сердечно рассмеялась.

— Я так считаю,— сказал Фрек.

— О мальчик, я тебе верю.

— А почему Вы смеетесь?

— Потому что ты сравнил меня с пастором.

— Вы говорите проще,— сказал Фрек,— это я имел в виду. Для меня Вы останетесь самой лучшей.

24. Письмо

Уличные праздники продолжались еще долго.

Движения почти что не было, поэтому можно было использовать всю улицу для проведения спортивных соревнований и танцевальных вечеров. Для детей придумывали различные игры, и, когда они уходили спать, наступала очередь взрослых.

Фрек тоже иногда бывал там, но участия не принимал. Он скучал по Салли...

Устроившись на работу в небольшой мастерской одного плотника, он поступил в вечернюю школу.

Отец тоже нашел работу в АПКК, это означало: Акция Помощи Красного Креста.

Больше всего в помощи нуждались люди, которые выжили в концентрационных лагерях и вернулись домой. Этим там, в АПКК, и занимались. Многие лишились всего, даже собственных домов. Их временно размещали в гостиницах и приемных пунктах.

— Как послушаешь, что они рассказывают,— сказал отец,— то не можешь поверить собственным ушам. То, что происходило в лагерях, никаким пером не опишешь. Это можно назвать чудом, что есть еще люди, которые вышли оттуда живыми. Евреев тысячами отравляли газом.

Фрек, слушая такие рассказы, содрогался, но он продолжал надеяться услышать что-то о Салли и его родных.

У отца на работе появились различные связи, благодаря которым он мог получить информацию о людях, попавших во время войны в концлагерь. Но все поиски оставались безрезультатными.

— Пока нет вести, можно надеяться на лучшее,— сказала мама.

Но у отца надежды было мало — это Фрек отлично видел.

Пока однажды после обеда к ним не постучал дядя Герман.

Уже по его взгляду было видно, что причина его посещения не была обычной. Никаких шуток и никаких следов от его странного смешка.

— Мой рассказ короткий,— начал он.

Они вчетвером сидели за столом: дядя Герман, отец и мать, и Фрек.

— Я знаю, что ты все еще ждешь Салли, Фрек.

Пожилой мужчина опустил голову, избегая встречного взгляда остальных. Он нервно теребил скатерть.

— Я искал его... Начал с того адреса, куда я их сперва доставил, а оттуда — дальше... От одной квартиры к другой... Они не могли оставаться вместе, это было слишком опасно... Но я искал по следам каждого из них... Я смог найти адреса пребывания Салли до того места, где его предали... Да, это случилось... Их всех схватили — его и хозяев того дома тоже... вместе со старым раввином... Видимо, это произошло в марте сорок четвертого года... Никто их них не вернулся... В том доме сейчас живут другие люди. Во время уборки они нашли вот это...

Дядя Герман достал из кармана своей куртки пакетик и положил его на стол.

— Они не знали, кому он принадлежал и что с ним делать, но, к счастью, они его не выбросили.

Он пододвинул пакетик в сторону Фрека.

— Здесь написано только твое имя, больше ничего...

Фрек сидел, будто окаменелый.

Весточка от Салли?

Несколько минут он не шевелился, уставившись взглядом на свое имя, написанное на пакетике.

Почерк Салли! Он узнал бы его из тысячи.

Стояла мертвая тишина, когда он наконец-то развернул пакетик. В нем оказался свисток Салли, который тот хотел дать ему на сохранение. Шнурок был туго замотан вокруг свистка.

Фрек взглянул на дядю Германа, будто ожидая продолжения, которое оживило бы его надежду.

Но сосед отвел взгляд, покачал головой, встал и молча вышел из комнаты.

Мама плакала. Отец встал рядом с ним и положил руку на его плечо.

Фрек знал, что он никогда больше не увидит Салли...

Он хотел повесить свисток на стенку над своей кроватью. Когда он отмотал шнурок, то вдруг увидел, что мундштук был как бы закупоренный. Он присмотрелся пристальнее и заметил, что в отверстии находится рулончик бумаги! Что еще это могло быть, как ни письмо?

Письмо от Салли?

С помощью булавки и крючка он с большим трудом выковырял бумажку из отверстия свистка.

Плача от нахлынувших чувств, он читал:

“Дорогой Фрек! Если ты когда-нибудь получишь это письмо, то это будет означать, что мы уже никогда больше не увидим друг друга, в другом случае я разорвал бы его. Мне так грустно. Сегодня ночью мне приснился страшный сон. Говорят, что война скоро кончится, но я этому больше не верю. Для нас, во всяком случае, не так быстро, как нужно бы. Я очень скучаю по папе и маме, и другим тоже. Я думаю, что я их больше никогда не увижу. Я чувствую себя очень одиноким.

Так, как раньше в парке, когда я прятался во время сумерек, а ты меня искал. Но тогда я знал, что ты меня найдешь, потому что у меня был свисток.

Но теперь мне нельзя издавать ни звука. Это может нас выдать. Я боюсь, Фрек. И чем дальше, тем больше. Если ты когда-нибудь увидишь моих отца и маму, то

передай им привет от меня и скажи, что я их очень любил, до последнего мгновения. Всех—всех.

Мне ведь даже нельзя писать письмо. Но я все равно пишу. Тайком, без адреса. Здесь находится один старый раввин, с которым я много беседую. Он научил меня говорить “Шму”.

Он называет меня своим “хазер-мальчиком”, потому что наша семья не жила по ортодоксальным правилам, но он ничего плохого при этом не имеет в виду. Меня утешает, когда я его слушаю. Я надеюсь, что мы останемся вместе и тогда, когда случится самое страшное. Когда я слушаю его молитвы на еврейском языке, то, хотя я их не могу понять, все начинает казаться менее ужасным.

Фрек, я тебя никогда не забуду. Я очень скучаю по тебе. Ты был хорошим другом. Если бы я мог позвать тебя к себе свистком, то я бы это сделал.

Салли”.

25. Люди никогда не исчезают

—“Шма”, что это значит? — спросил Фрек бабушку Кломп.

Он дал ей прочитать письмо Салли.

Она смахнула слезу с лица и печально посмотрела на него.

— Это исповедание, которое произносят верующие евреи перед смертью,— тихо сказала она.

— Что они тогда говорят? — спросил Фрек.— Вы знаете?

— Да, мой мальчик, это написано в Библии: “Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, един есть!” Это первая заповедь. Ее можно прочитать во Второзаконии. И Иисус Христос тоже сослался на эти слова, когда книжники спросили Его, какая заповедь самая важная.

— Если кто-то искренно верит в эти слова,— сказал Фрек,— то ведь это не просто так, а?

По его голосу она догадалась о его сильном желании встретиться с Салли на небе.

— Нет,— ответила она,— это не просто так. Иисус Христос сказал, что нет большей заповеди, чем эта, вместе со следующей: “Возлюби ближнего своего, как самого себя”.

Его сердце мучил жгучий вопрос, и бабушка Кломп знала это.

О, как трудно и как больно было задавать этот вопрос.

— Если Салли... Если он... То что стало с ним? — прошептал Фрек.

Бабушка Кломп долго думала, прежде чем ответить.

— Есть вопросы, которые Бог никому не открывает, Фрек.— Ее старческие глаза выражали глубокое сочувствие.

— Но мы можем надеяться, и у нас есть для этого хорошее основание. Господь Бог святой и великий, высоко превознесенный над нами. Но в Иисусе Христе Он низко склонился к нам, и мы можем Его познать в Его благости и милости. Нет воли Бога в том, чтобы люди погибали, но Он хочет, чтобы все спаслись. Он сделал все для того, чтобы это стало возможным. Но кто будет среди спасенных, знает один только Бог. Потому что Он один знает сердца. Мы не знаем. Мы можем только предполагать. И мы знаем только то, что находится в нашем сердце. И если в сердце появилось желание познать Господа Бога, то мы знаем, что Бог дает нам это. Тогда мы также можем не сомневаться в том, что мы Его дети.

Она взяла его за руку.

— Ты должен предоставить Салли Богу, мальчик,— сказала она тихо,— Мы все эти годы молились о нем... Теперь ты должен смириться.

— Они его отравили газом,— сказал Фрек глухо.

— Откуда ты это знаешь? — спросила бабушка Кломп.

Фрек пожал плечами.

— Я не знаю. У меня такое чувство.

— Дядя Герман не осмелился тебе это рассказать сам. Он сделал все, чтобы узнать, что случилось с Салли...

— Отравили газом и сожгли,— в отчаянии зарыдал Фрек.

Старая женщина плакала вместе с ним.

Мысленно она просила у Бога мудрости, чтобы сказать слово утешения этому мальчику, которого так любила и в жизни которого Бог перед ее глазами совершил такое большое чудо. Какие потрясения он уже пережил в своей короткой жизни!

— Людей можно отравить газом и сжечь, но они никогда не исчезают, Фрек. Я вспоминаю книгу Иова. Ты должен как-нибудь прочитать ее в Библии. Иов был праведным и справедливым человеком, который во всем поступал по воле Бога. А теперь я тебе что-то прочитаю о нем.

Бабушка Кломп взяла свою Библию, поискала и начала читать: "И родились у него семь сыновей и три дочери. Имения у него было: семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц".

Она взглянула на Фрека.

— Потом случилось что-то ужасное. Господь допустил, чтобы сатана попытался лишить Иова его упования на Бога. Сатана сделал так, что Иов потерял все: своих овец, верблюдов, волов, ослиц — все. Самое страшное было то, что все его дети погибли одновременно во время ужасного несчастья. У Иова ничего не осталось, и в довершение всего сатана поразил его болезнью. Даже его жена решила, что он лучше бы оставил этого Бога, Который такое допускает. А это и является целью сатаны! Чтобы нас так ожесточить в нашем горе, чтобы мы и слышать больше не хотели о Господе. Друзья Иова тоже не поддержали его. Они думали, что он втайне совершил большой грех и что теперь Бог его так сильно наказал. Но

это была неправда, и от этого его страдания становились только мучительнее. Но хотя Иов ничего не мог понять и хотя его горе было почти что непосильным, он все равно остался верным Богу.

И мы читаем, что именно в страданиях он стал лучше понимать Бога и доверять Ему больше прежнего, как праведно он до этого ни жил. Но теперь я тебе прочитаю конец истории Иова. После страданий, в которых проявилось его терпение, Бог его утешил.

И мы читаем: “И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние; и было у него четырнадцать тысяч мелкого скота, шесть тысяч верблюдов, тысяча пар волов и тысяча ослиц”. Это означает, что Бог все вернул ему в двойной мере. После испытания у него всего было ровно в два раза больше, чем до него! А теперь слушай внимательно, Фрек!

Написано: “И было у него семь сыновей и три дочери”. Это столько же детей, сколько забрала у него смерть! Почему он не получил в два раза больше детей? Потому что первые семь сыновей и три дочери не исчезли! Для Иова — да, но не для Бога!

Человек никогда не пропадает бесследно, Фрек. Бог хранит людей. Верующие и неверующие имеют свое назначение. Хотя очень разное, и ты это знаешь. Мы так часто молились о Салли и о его родных. Ты каждый день предавал своего друга в руки Божии, не так ли? Фрек, теперь нам нужно верить, что нет лучших рук, чем руки нашего Господа. Это те руки, которые показывают нам, как дорого Он заплатил за нашу свободу и как сильно Он нас любит... Это пронзенные руки, Фрек.

26. Прощание

Он взглянул ввысь, на звезды. Небо ясное, видно много звезд. Они отражались в темной воде пруда, лежащего перед ним.

Фрек уже долго бродил по парку. Просто так, без цели.

Здесь они часто играли, Салли и он. Казалось, что это было уже так давно.

Парк теперь вновь был доступен для евреев. Им опять разрешалось сидеть на скамейках. Запрещающих табличек больше не было. Но и евреев тоже...

Там, где билось сердце Амстердама, сейчас зияла дыра.

Фрек почувствовал боль от этого.

Издали до него доносилась музыка. Праздник освобождения. Мир уже немало праздновал. Будет ли этот последним?

Его пальцы играли шнурком свистка, который висел на его шее.

Уже пора идти домой. По дороге он купит в киоске два красивых букета цветов. Если продавца уже не будет, то он сделает это завтра. Один для мамы, а другой для бабушки Кломп.

У Салли нет могилы, иначе он позаботился бы и о ней.

Салли...

Недостижим.

Он только в мыслях мог еще приветствовать его...

Видимо, это ветер играл верхушками деревьев, но ему почудилось, будто он услышал, что очень далеко кто-то произносит: “Шма Израиль”...

Или это было совсем рядом?..

Носил ли он это в себе?..

Хранил ли он это в своей памяти?..

Внезапно Фрек приставил свисток к губам. Звук стал нарастать: он свистел изо всех сил, которые были в нем. Это до глубины души потрясло бы маму Салли.

Как в видении, он увидел всю семью вместе, одетую, как на праздник. Ясно он увидел добродушное лицо отца Салли. Детей... И самого Салли.

Салли!.. Его большой друг.

Печальный взгляд красивых глаз...

У Фрека закружилась голова.

В висках стучало, но он продолжал свистеть.

В его дыхании выражался крик его сердца...

Салли, что они с тобой сделали!?

Был ли кто-нибудь с тобой в последние мгновения, когда тебя лишили всякой надежды при приближении смерти?

Могли ли твои сухие губы еще произносить “Шму” так, как ты намеревался?

Мог ли ты возвысить свой голос, или его слабый звук потонул в отчаянных возгласах облака свидетелей, которые вместе с тобой перешли в вечность, гонимые сатанинским ненавистником евреев?

Салли!

У него перехватило дыхание, и резкий звук оборвался. Больше он не мог. Он задыхался. С трудом переводя дыхание, он взглянул вверх, на далекое небо.

Он должен смириться. Смириться!

Все предоставить Богу. И доверять Ему.

Верить, надеяться и любить.

Отца и мать.

И бабушку Кломп.

И...

Давно пора было идти домой.

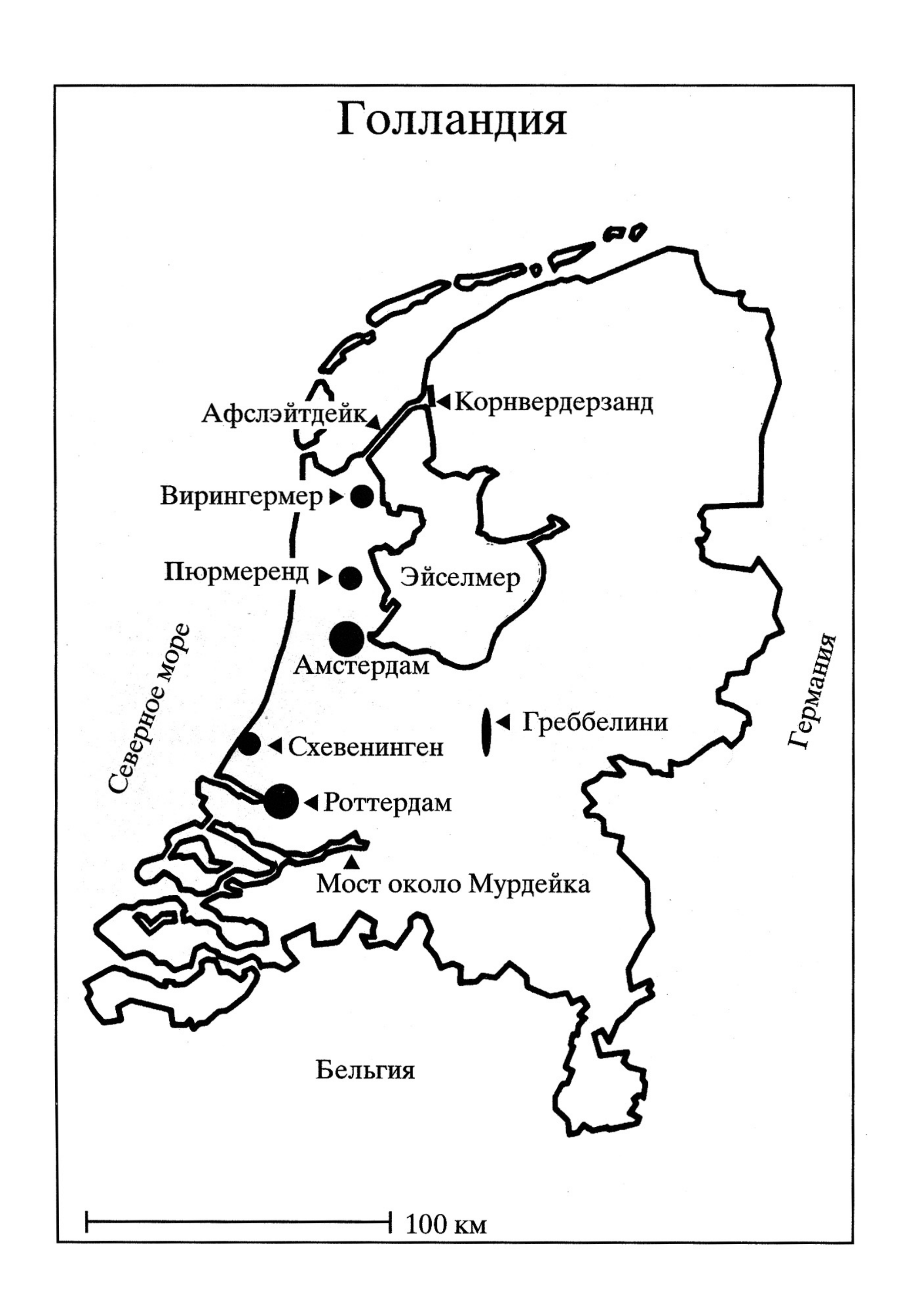
Он в последний раз свистел своему другу Салли.

В последний раз...

Он немного поколебался и посмотрел на гладкий пруд.

Потом он снял шнурок с шеи и сильным броском швырнул свисток в зеркальную воду.

Голландия
Корнвердерзанд
Афслэйтдейк
Вирингермер
Пюрмеренд
Эйселмер
Амстердам
Северное море
Германия
Греббелини
Схевенинген
Роттердам
Мост около Мурдейка
Бельгия
100 км

И.Я. ФРИНСЕЛ

ГДЕ ТЫ, САЛЛИ?

Фрек — голландский мальчик, живущий в Амстердаме. Его друга зовут Салли, он — еврейский мальчик.

Началась война, и Салли стала угрожать большая опасность. Еще до того, как уйти в подполье, он хотел дать Фреку свой свисток, но тот отказался. Фрек и бабушка Кломп стали настоящими друзьями. Бабушка Кломп научила его многому из Библии.

После войны Фрек получил свисток от Салли. И письмо...

Канал в Амстердаме

